

Новый триллер от автора "Гипнотизера"

МАРС ЖЕПЛАЕР

ОХОТНИК НА КРОЛИКОВ

MASTER DETECTIVE

18+

РАЗГАДАТЬ ЭТУ СТРАШНУЮ ЗАГАДКУ
СПОСОБЕН ТОЛЬКО ЛЕГЕНДАРНЫЙ ЙОНА ЛИННА

CoRpus

Комиссар полиции Йона Линна

Ларс Кеплер

Охотник на кроликов

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Кеплер Л.

Охотник на кроликов / Л. Кеплер — «Corpus (АСТ)»,
2016 — (Комиссар полиции Йона Линна)

ISBN 978-5-17-102117-7

“Охотник на кроликов” продолжает цикл романов об уникальном сыщике Йоне Линне. Перед нами шестая книга в этой череде мировых детективных бестселлеров, написанных Ларсом Кеплером (псевдоним супругов Андорил – Александра и Александры Коэльо), чьи триллеры неизменно безукоризненны и жутки. Для расследования преступлений Охотника на кроликов Йону Линну освобождают из тюрьмы, где тот отбывает срок, полученный в ходе предыдущего дела о сталкере. На этот раз черед жестоких убийств, начавшаяся расправой с министром иностранных дел страны, уходит корнями в прошлое героев, вовлеченных в эту леденящую душу историю. Все началось с далекого эпизода в престижной школе, где они учились: мальчики из самых привилегированных семей создали тайный клуб для избранных под названием Кроличья нора, и однажды там произошло то, что перевернуло их жизни...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-102117-7

© Кеплер Л., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	41
Глава 16	44
Глава 17	47
Глава 18	49
Глава 19	52
Глава 20	56
Глава 21	59
Глава 22	61
Глава 23	62
Глава 24	65
Глава 25	67
Глава 26	70
Глава 27	73
Глава 28	77
Глава 29	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ларс Кеплер

Охотник на кроликов

© Lars Kepler, 2016

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Раннее утро; ровная поверхность залива поблескивает, как начищенная сталь. Роскошные виллы погружены в ночную дрему, но бассейны и садовые фонари светятся сквозь высокую ограду и сплетение ветвей.

Какой-то пьяный с бутылкой в руке идет по дорожке вдоль берега. Приостанавливается возле белого дома, чей вытянутый стеклянный фасад обращен к заливу. Аккуратно ставит бутылку посреди дороги, перешагивает канаву и через черный железный забор перелезает на участок.

На нетвердых ногах мужчина идет через лужайку, качнувшись, останавливается и пристально смотрит на большие окна, на отражения света с террасы, на смутные очертания мебели в комнатах.

Пьяный идет к дому, машет рукой полуметровому фарфоровому гному, огибает дощатый забор, спотыкается о настил, падает на колени, выпрямляется.

Вода в бассейне сияет, словно голубое стекло.

Пьяный, пошатываясь, встает у кромки бассейна, расстегивает штаны и мочится в воду, потом резко поворачивается к голубой садовой мебели. Струя заливает подушки, низкие кресла, круглый столик.

От мочи в холодном воздухе идет пар.

Пьяный застегивает штаны и смотрит на белого кролика – тот прыгает по лужайке и исчезает под кустом.

Улыбаясь, пьяный возвращается к дому, проходит мимо веранды, опирается о забор; оказавшись на газоне, останавливается и оборачивается.

Его затянутый алкогольным туманом мозг пытается осознать то, что он только что видел.

На него, не отрываясь, смотрел одетый в черное человек со странными контурами лица.

Стоял ли этот человек в темном доме? Находился ли снаружи, и в таком случае на пьяного смотрело его отражение?

Глава 1

Пятница, двадцать шестое августа

Темное небо, затяжной мелкий дождь. Свет над жилым районом замарал небо над крышами метров на тридцать. Было безветренно, и туманный купол из освещенных капель висел над Юрскольмом.

Прямо возле светлой воды Ерманиавикена располагалась большая вилла.

Только что в дом вошла молодая женщина – осторожно, как животное, по лакированному паркету, по персидскому ковру.

Женщину звали София Стефанссон.

Беспокойство заставило ее подмечать каждую мелочь.

На подлокотнике дивана лежит черный пульт. Кто-то обмотал его скотчем, чтобы удерживать крышку на месте. На столе – размытые круги от стаканов. К бахrome большого ковра пристал старый пластырь.

Пол позади Софии скрипнул, словно кто-то крался за ней через всю комнату.

На высоких каблуках и мускулистых икрах девушки виднелись брызги после мокрых ступенек. Ноги у нее все еще были тренированные, хотя она покончила с футболом два года назад.

В руке София незаметно сжимала баллончик со слезоточивым газом – из-за ожидавшего ее мужчины. Она еще раз повторила себе, что эта ситуация – ее выбор, что она все контролирует, что она сама захотела оказаться здесь.

Мужчина, который открыл ей дверь, теперь стоял возле кресла и откровенно рассматривал ее.

Лицо Софии с правильными чертами еще не потеряло подростковой округлости. На ней было голубое платье, открывавшее плечи. От выреза вниз спускались мелкие, обтянутые тканью пуговицы. Золотое сердечко на цепочке покачивалось в ямке между ключиц из-за подскокившего пульса.

Она знала, что может извиниться и сказать, что неважно себя чувствует, что ей надо вернуться домой. Он, возможно, рассердится, но примет оправдание.

Мужчина возле кресла смотрел на нее скорбно-голодным взглядом, отчего Софию замутило от страха.

Она вдруг сообразила, что уже видела этого человека. Кажется, какой-то крупный управленец или папа бывшего одноклассника.

София остановилась, немного не дойдя до мужчины, улыбаясь и чувствуя, как колотится сердце. Она не станет приближаться – сначала надо понаблюдать за интонациями и движениями.

Рука мужчины, сжимавшая спинку кресла, не казалась склонной к насилию. Ногти ухоженные, плоское обручальное кольцо поцарапано – он уже давно в браке.

– Красивый дом, – заметила София и отвела блестящую прядь от лица.

– Спасибо. – Хозяин разжал пальцы.

Вряд ли старше пятидесяти, он двигался тяжело-угрюмо, словно старик в старом доме.

– Ты приехала на такси? – Он тяжело сглотнул.

– Да.

Снова молчание. В соседней комнате часы с маятником нежно пробили два раза.

Шафранно-красная пыльца беззвучно осыпалась из распустившейся лилии в вазе.

София довольно рано поняла, что ей хорошо в ситуациях, связанных с сексом. Ей льстило внимание, нравилось ощущение избранности, но она ни в кого не влюблялась.

– Мы не встречались раньше? – спросила она.

– Я бы не забыл такую встречу. – Мужчина безрадостно улыбнулся.

Его жидкие, поседевшие светлые волосы были зачесаны назад. Расслабленное лицо слегка блестело, по лбу протянулась скорбная морщина.

– Коллекционируете картины? – спросила София, кивнув на стену.

– Я интересуюсь живописью.

Светлые глаза смотрели на Софию через очки в роговой оправе. Она отвернулась, сунула газовый баллончик в сумочку и шагнула к большой картине в золоченой раме.

Мужчина последовал за ней, встал слишком близко, засопел. София дернулась, когда он поднял правую руку, чтобы указать на холст.

– Девятнадцатый век... Карл Густав Хелльквист, – проговорил он, словно профессор на лекции. – Умер молодым, жил тяжело, болезни, электрошоковая терапия... но он был потрясающий художник.

– Поразительно, – тихо сказала она.

– И я так думаю, – согласился хозяин и двинулся к столовой.

София последовала за ним со смутным ощущением, что ее заманили в ловушку, что дверь за ней захлопнулась с сонной медлительностью, что большие зубчатые колеса уже пришли в движение и путь к бегству с каждым мгновеньем сокращается.

Огромная комната, где из окон с перемычками открывался вид на воду, была меблирована неуместным здесь мягким уголком и блестящим шкафом.

София увидела на краю овального обеденного стола два бокала с темно-красным вином.

– Могу я предложить бокал вина? – спросил хозяин, снова поворачиваясь к Софии.

– Лучше белого, если есть. – София боялась, что он подмешал в вино наркотик.

– Шампанское? – Хозяин не спускал с нее взгляд.

– С удовольствием.

– Тогда выпьем шампанского.

В доме у незнакомого человека всегда словно сжимаешься, ведь каждая комната может оказаться ловушкой, каждый предмет – оружием.

София предпочитала отели. Если звать на помощь в отеле, есть шанс, что кто-нибудь услышит.

Она шла за хозяином в сторону кухни, когда услышала странный, часто повторяющийся звук. Определить, откуда он исходит, она не смогла. Мужчина, казалось, не обращал на звук внимания, но София остановилась, обернулась к темным окнам и уже хотела заговорить, когда что-то звякнуло, как льдинки о стекло.

– Вы уверены, что в доме никого нет? – спросила она.

Наверное, можно быстро скинуть туфли и броситься к входной двери, если что-то случится. Она гораздо проворнее этого немолодого мужчины; если не снимать плащ с вешалки, она успеет выскочить на улицу.

София так и стояла в проеме кухни, пока хозяин доставал из винного холодильника бутылку “Боллингера”. Открыв ее, он наполнил два узких бокала-колокольчика, подождал, пока осядет пена, долил еще немного и подошел к своей гостье.

Глава 2

София пригубила шампанское, ощутила, как аромат распространяется по рту, как с нежным звуком пузырьки задевают о стекло. Что-то снова заставило ее взглянуть на кухонные окна. Может, там косуля? В темном окне отражались кухня со светящимися контурами и спина хозяина. Гладкая поверхность лавки, подставка с ножами, ваза с лимонами.

Мужчина снова поднял бокал и отпил; сделал жест почти не дрожащей рукой и тихо велел:

– Расстегни платье.

София допила вино, посмотрела на отпечаток своей помады на ободке бокала и поставила его на стол, а потом мягко выдавила первую пуговицу из петельки.

– На тебе лифчик, – заметил он.

– Да. – Она расстегнула вторую пуговицу.

– Какой размер?

– Шестьдесят “С”.

Мужчина, улыбаясь, смотрел на нее, и она почувствовала, как под мышками стало скользко от выступившего пота.

– Какие на тебе трусы?

– Голубые, шелковые.

– Можно посмотреть?

София заколебалась, и хозяин это заметил.

– Прости, – тут же сказал он. – Я перешел сразу к делу? Да?

– Сначала уладим финансовый вопрос. – София постаралась, чтобы ее голос звучал естественно и уверенно.

– Понимаю.

– Лучше начинать с...

– Тебе заплатят, – перебил он, в голосе прозвучало раздражение.

С постоянными клиентами Софии чаще всего было легко, иногда даже приятно, но с новыми она нервничала. Она подумала, что может случиться, припомнила, с чем ей уже пришлось столкнуться. Папа двоих детей из Тэбю укусил ее в шею и запер в гараже.

Объявления она давала в “Розовых страницах” и на сайте “Девушки Стокгольма”. Почти все звонки оказывались несерьезными. Вульгарщина, обещание великолепного секса, угрозы насилия и наказания.

Прежде чем начать переписку, София всегда прислушивалась к интуиции. Письмо от ее нынешнего клиента было хорошо написано: четко и по-деловому, но не без уважения. Отправитель письма назвался Вилле, у него был тайный телефонный номер и адрес в фешенебельной части города.

В третьем письме, присланном по электронной почте, Вилле объяснял, что хочет с ней делать и сколько готов заплатить.

София расценила это как предупреждение.

Если все слишком хорошо, значит, дело нечисто. В этом мире джекпотов не водится, и если тебе вдруг померещился джекпот, лучше упустить потрясающую сделку, чем подвергнуться риску.

И все же – сейчас она здесь.

Мужчина вернулся и протянул ей конверт. София быстро пересчитала деньги, сунула конверт в сумочку.

– Достаточно, чтобы показать трусы? – спросил хозяин.

София улыбнулась: “Разумеется”, – мягко взялась за подол и стала медленно поднимать платье над коленями. Подол, потрескивая, полз по колготкам; наконец она остановилась и посмотрела на него.

Хозяин не ответил на взгляд, а устался ей между ног, когда она наконец подняла платье до талии. Под пудрово-бледными колготками жемчужницей просвечивал шелк трусов.

– Ты брешешь? – хрипло спросил мужчина.

– Воск.

– Полностью?

– Да.

– Это, наверное, больно? – с любопытством спросил мужчина.

– Можно привыкнуть, – кивнула София.

– Как и ко многому в жизни, – вздохнул мужчина, назвавшийся Вилле.

София снова опустила платье и заодно вытерла вспотевшие ладони, оглаживая ткань на бедрах.

Она снова занервничала, хоть и получила деньги.

Может, дело в большой сумме.

Он заплатил впятеро против обычной таксы.

В письме он написал, что дополнительно платит за молчание и особые пожелания, но все равно сумма была гораздо выше обычной.

София помнила мужчину с тревожными глазами, который нарядился в белье своей матери и пожелал, чтобы она пинала его в промежность. Он заплатил, чтобы София помогалась на него, когда он, плача от боли, лежал на полу, но она просто взяла деньги и сбежала.

– Разных людей возбуждает разное, – сказал Вилле со смущенной улыбкой. – Заставить не получается... Значит, приходится платить. Я не рассчитываю, что тебе понравится то, что ты будешь делать.

– Бывает по-разному. Если мужчина нежен со мной, то я могу получить удовольствие, – соврала София.

Конечно, в своем объявлении она обещала конфиденциальность, но и о безопасности не забывала. В особый домашний дневник-журнал она записывала имена и адреса людей, которых собралась посетить. Если она вдруг исчезнет, ее перемещения можно будет отследить.

К тому же Вилле посещала Тамара – как раз перед тем, как покинуть мир девушек эскорта, выйти замуж и переехать в Гётеборг. София знала: если бы Вилле повел себя скверно, Тамара оставила бы предупреждение на форуме сексработниц.

– Только не думай, что я мерзкий и противный, – сказал хозяин, делая шаг к ней. – Ты невероятно красивая и такая молодая... а я знаю, как сам выгляжу, в твоём возрасте я был недурен собой, но...

– Ты отлично выглядишь, – заверила она.

София много раз слышала, что девушки эскорта должны быть вроде психологов, но большинство мужчин, с которыми она встречалась, не говорили о личных проблемах.

– Ну что, поднимемся в спальню? – легко спросил хозяин, назвавший себя Вилле.

Глава 3

Поднимаясь следом за хозяином по широкой лестнице, София поняла, что ей надо в туалет. Латунные прутья прижимали мягкий ковер к ступенькам. Свет огромной люстры сверкал на лакированных перилах.

София с самого начала планировала работать эксклюзивно, на тех, кто готов платить высокую таксу за ночь, кому нужно было сопровождение на празднике или в поездке.

За три года в роли девушки сопровождения ей приходилось заниматься подобным раз двадцать, но большинство клиентов просто хотели, чтобы она отсосала после работы, перед возвращением домой.

В большой светлой спальне царила величественная двуспальная кровать с красивым покрывалом серого шелка.

На ночном столике со стороны жены София увидела роман Лены Андерссон и флакон очень дорогого лосьона для рук, со стороны Вилле лежал айпэд со следами пальцев на темном стекле.

Хозяин указал Софии на черные кожаные ремни, привязанные к столбикам кровати. София заметила, что они не слишком новые – сгибы потрескались, краска начала облезать.

Комната дважды дрогнула и рывком повернулась; София взглянула на мужчину, но тот выглядел невозмутимым.

В уголках рта у него присохли остатки чего-то белого – зубной пасты или новалюколя.

На лестнице скрипнуло; Вилле перевел взгляд к коридору, потом снова посмотрел на Софию.

– Я должен быть уверен, что ты выпустишь меня, когда я захочу, – пояснил он, расстегивая рубашку. – Я должен быть уверен, что ты не попытаешься ограбить меня, не сбежишь с деньгами, которые уже получила.

– Естественно, – заверила его София.

Грудь у него оказалась покрыта светлыми волосами, и он явно попытался втянуть живот, когда она посмотрела на него.

София подумала, что привяжет его и тогда уже попросит разрешения зайти в туалет. В ванную был прямой ход из спальни. В зеркале, видимом в широко открытую дверь, отражался душ на стене с золотистой мозаикой.

– Привяжи меня и не торопись, я не люблю насилия, принуждения, – пояснил он.

София кивнула и сняла туфли, снова ощутив легкое головокружение. Выпрямилась и коротко глянула ему в глаза, после чего подняла платье до пупка. Тихо потрескивало статическое электричество. Сунув большие пальцы за пояс колготок, она потянула их вниз. Надавило на бедра, потом это чувство исчезло, и колготки свободно собрались на голени.

– А может, ты хочешь, чтобы тебя связали? – спросил хозяин, улыбнувшись своей выдумке.

– Нет, спасибо. – София начала расстегивать платье.

– Это весьма удобно, – рассмеялся он и слегка потянул ремень.

– Я таким не занимаюсь, – спокойно объяснила София.

– Никогда не делал наоборот... Я мог бы увеличить плату вдвое, – рассмеялся Вилле, словно эта мысль удивила и взбодрила его.

Он предложил Софии вдвое больше денег, чем она могла бы выколотить за два месяца, но позволить связать себя все же слишком опасно.

– Что скажешь? – улыбнулся Вилле.

– Нет. – София почувствовала сожаление и облегчение одновременно.

Звякнуло, когда пряжка ремня задела планку кровати.

- Хочешь, чтобы я разделась полностью?
- Погоди-ка. – Хозяин смотрел на Софию странным изучающим взглядом.
- Ничего, если я зайду в ванную?
- Сейчас. – Он как будто старался сдерживать дыхание.

София почувствовала, что губы у нее стали странно прохладными. Проведя рукой по рту, она заметила, что хозяин широко улыбается.

Подойдя к ней, он схватил ее за подбородок и плюнул в лицо.

- Что ты делаешь?! – Она ощутила тягучее головокружение.

Ноги вдруг подогнулись, и София тяжело осела на пол, прикусив язык. Легла на пол, почувствовала, как рот наполняется кровью, увидела, как хозяин стоит над ней, расстегивая вельветовые брюки.

Отползти не было сил. София легла щекой на пол, увидела в пыли под кроватьюдохлую муху. Сердце билось так тяжело, что стук отдавался в ушах. София поняла, что ее чем-то опоили.

- Не надо, – выдохнула она и закрыла глаза.

Перед тем как потерять сознание, она подумала, что он ее убьет, и это была ее последняя мысль.

Глава 4

Закашлявшись, София очнулась от наркотического сна и тут же поняла, где находится. Она лежала на кровати в доме мужчины, который назвался Вилле. Лежала на спине, привязанная туго натянутыми кожаными ремнями. Он так сильно скрутил ее, что мышцы рук и ног затекли, суставы жгло, а пальцы были ледяными.

Во рту пересохло. Язык перестал кровоточить, но распух и болел.

Платье задралось до пояса: ноги были широко разведены.

Этого не может быть, подумала она.

Хозяин предвидел ее реакции и заранее добавил наркотик в один из бокалов.

София услышала голос в соседней комнате – деловой тон, голос начальника.

Она попыталась поднять голову и выглянуть в окно, увидеть, ночь там или утро, но не смогла – слишком болели руки.

Страх наполнил сердце, словно яд. Паника ударила ей в голову; София ощутила, как сжалось от спазмов горло и загудел в ушах пульс.

То, чего не должно было случиться, случилось.

Она попыталась успокоиться. Надо завести разговор, дать ему понять, что он выбрал не ту девушку, но она все забудет, если он отпустит ее сейчас же.

София пообещала сама себе, что покончит с сопровождением, она и так занималась этим делом слишком долго. Все равно она спускает деньги на ерунду.

Мужчина смотрел на нее голодными глазами. София попыталась сделать спокойное лицо, думая, что с самого начала понимала: в этой ситуации что-то не так. Но вместо того, чтобы повернуться и уйти, она изгнала свою интуицию. Она допустила катастрофическую ошибку, повела себя, как отчаявшийся героинщик.

– Я сказала “нет”, – собравшись с духом, произнесла она.

– Верно, – с улыбкой протянул хозяин и скользнул взглядом по ее телу.

– Я знаю девушек, которые не возражают против такого маневра. Если хочешь, я дам тебе их контакты.

Вилле ничего не ответил. Шумно сопя, он остановился у кровати, напротив ее разведенных ног. София вспотела, приготовившись к жестокости и боли.

– Это изнасилование, ты это понимаешь?

Он снова ничего не ответил, только поправил очки на носу и с интересом посмотрел на нее.

– Я считаю это отвратительным и болезненным, – снова начала София, но замолчала: голос задрожал.

Она попыталась заставить себя дышать ровнее, не выглядеть испуганной, не умолять. Что сделала бы Тамара? София представила себе веснушчатое лицо подруги, короткую глумливую усмешку, жесткий взгляд.

– Я записала про тебя в журнале, который лежит у меня дома. Твой адрес, электронную почту, время встречи...

– Я знаю, – кивнул он.

Матрас запружинил, когда хозяин пополз к ней по кровати. Остановился, покачиваясь, у нее между бедер, схватился за трусы, рванул вниз. Швы затрещали, но не порвались; в плече заболело, словно сустав вывихнулся из ложа.

Мужчина рванул снова, обеими руками. Кожу обожгло, когда трусы врезались в бедра, но швы выдержали.

Мужчина что-то прошептал себе под нос и оставил ее лежащей на кровати.

Матрас снова качнулся, и София почувствовала, что у нее сейчас сведет мышцы ног.

В мозгу мелькнуло воспоминание о футбольной тренировке. Вот она, София, пытается выковырять комки земли и травы, застрявшие между шипов бутсов, и приближается ощущение судороги, как будто сейчас сведет икру.

Красные, разгоряченные лица товарищей. Гулкий деревянный пол раздевалки, запахи пота, линимента и дезодоранта.

Как вообще это случилось? Как она оказалась здесь?

София изо всех сил старалась не заплакать, ей казалось, что если она покажет, насколько напугана, – ей конец.

Мужчина вернулся с маникюрными ножницами, разрезал боковые швы трусов и стащил их.

– Очень многие соглашаются на связывание, – снова начала София. – Я знаю...

– Я не хочу тех, кто соглашается, – перебил хозяин и швырнул трусы на кровать рядом с ней.

– Я хотела сказать – есть девушки, которые заводятся, когда их связывают.

– Зря ты пришла сюда, – просто констатировал Вилле.

София все-таки не сдержалась и заплакала. Ужас заставил ее напрячь спину и дернуть ремни; кожа порвалась, по правой руке заструилась кровь.

– Не надо, – всхлипнула София.

Стащив с себя рубашку, мужчина бросил ее на пол, приспустил брюки и натянул презерватив на приподнявшийся член.

Вилле встал на колени, и София почувствовала запах резины от его пальцев, когда он заталкивал обрывки трусов ей в рот. Она задыхнулась, ее чуть не вырвало. Язык был сухим, по щекам текли слезы. Мужчина схватил ее за грудь прямо через платье и тяжело лег на нее.

От страха София описалась, и под ней расплылась горячая лужа мочи.

Когда мужчина попытался войти в нее, она, выгнув тело, повернулась на бок и оттолкнула его бедром.

Капля пота сорвалась с его носа Софии на лоб.

Одной рукой Вилле схватил ее за горло, глядя на нее блестящими глазами, сдавил и снова навалился на нее. Его тяжесть вдавила Софию в матрас, отчего бедра разошлись еще шире. Жгло щиколотки, скрипели ножки кровати.

Стараясь плотнеть кислорода, София повернула голову набок; ей удалось втянуть воздуха через нос.

Вилле еще сильнее сдавил ей горло, и перед глазами у нее замелькали мушки. Комната потемнела, и тут же София почувствовала, что насильник пытается войти в нее. София изо всех сил изворачивалась, но тщетно, это должно было произойти. Она не могла оставаться в собственном теле, надо было думать о чем-нибудь другом, раствориться. В мозгу замелькали внезапные воспоминания – прохладные вечера на огромном футбольном поле, рвущее легкие дыхание, пар изо рта и тишину у озера возле старой школы в Буллстанэсе.

Тренер указывает на мяч, дует в свисток, становится тихо.

Хватка ослабла, София выкашляла трусы, втянула в себя воздух, мигнула – и услышала механическую трель.

Мужчина снова поднялся на колени; она задыхалась, лицу было жарко.

Кто-то звонил во входную дверь.

Мужчина схватил ее за подбородок, сжав челюсти, снова засунул ей в рот трусы, ее затопило, она вдохнула через нос, не в состоянии слотнуть.

В дверь снова позвонили.

Мужчина плюнул на Софию и встал с кровати. Застегнул брюки, надел рубашку и вышел.

Едва он скрылся, София изо всех сил дернула правой рукой, не думая о последствиях или о боли.

Страшная боль; но рука освободилась.

Трусы мешали ей закричать.

В голове загудело, ее затрясло от боли. Может, большой палец сломан, может, вывихнут, кожа сошла, как рваная перчатка, кровь полилась по руке. Она вытащила трусы изо рта.

Поскуливая, София отчаянно пыталась освободить левую руку. Пальцы скользили, но ей удалось вытащить стержень из дырочки. Она быстро протащила ремень через пряжку, села и освободила лодыжки.

Поднялась на дрожащие ноги и, держась трясущимися руками за живот, пошла по толстому ковру. В голове шумело от шока и боли, ноги онемели, мокрое холодное платье облепило зад.

София осторожно вышла из спальни и прокралась в коридор, куда недавно скрылся хозяин.

Дойдя до лестницы, она остановилась. Снизу донесся другой голос, и она подумала – нужно позвать на помощь. Слов того, другого человека не было слышно, и она подкралась ближе. Над перилами висела одежда из химчистки. Сквозь тонкий целлофан просвечивали белые рубашки.

София осторожно кашлянула, готовясь закричать “Помогите!”, как вдруг все поняла.

Второго человека не было в доме. Его голос доносился из домофона. Курьер из экспресс-доставки стоял за воротами, ожидая, чтобы его впустили. Вилле повторил, что тому придется зайти еще раз, отсоединился и снова повернулся к лестнице.

София пошатнулась, но удержала равновесие. В ногах покалывало – кровообращение восстанавливалось.

София скользнула назад, пол под ней скрипнул, она огляделась и заметила в дальнем конце коридора с портретами на стенах комнату побольше. Подумала, что надо побежать туда, открыть окно и звать на помощь, но поняла, что не успеет.

Глава 5

София быстро двинулась вдоль стены, мимо лестницы и добралась до узкой дверцы платяного шкафа; нажала на ручку, потянула.

Заперто.

Она осторожно выпустила ручку, одновременно угадав в призмах хрустальной люстры, что хозяин уже поднимается по лестнице.

Он скоро будет наверху.

София вернулась к лестнице, опустилась на пол возле перил с покрытыми целлофаном рубашками из химчистки. Хозяин увидит ее, если посмотрит прямо в направлении перил, но если он просто пройдет мимо, у нее будет несколько секунд форы.

Рука болела так, что Софию трясло; шея и горло распухли. Хотелось прокашляться, выпить воды.

Ступеньки поскрипывают, шаги тяжелые и усталые, она увидела его между планками и осторожно подалась назад.

Вилле поднялся, держась за перила, и зашагал по коридору.

Он шел к спальне, не замечая, что София закапала пол кровью.

Она осторожно поднялась, глядя на его спину и загорелую шею; он как раз входил в дверь.

София бесшумно подкралась к перилам и побежала вниз по лестнице.

Она понимала, что хозяин уже в коридоре, уже гонится за ней.

Топот удваивался.

София придерживала раненую руку здоровой, обхватив кровоточащие, саднящие пальцы.

Она знала только, что надо успеть выбраться из дома. Она бросилась через большой средний проход и услышала, как громко скрипнула лестница, когда хозяин оказался за ней.

– Мне некогда за тобой гоняться! – крикнул он.

София молча бежала по узкому ковру к входной двери. Споткнулась о ботинки, но удержала равновесие.

Возле двери светился датчик охранной сигнализации.

Дверная ручка выскользнула из мокрых от крови пальцев; София вытерла руки о платье и снова попыталась открыть дверь, но ручку словно заклинило. София нажала, толкнула дверь плечом; заперто. София затравленно озиралась, ища ключи, и в то же время крутила ручку. Наконец она сдалась и, пробежав в открытые двойные двери, вернулась в гостиную.

Что-то упало на пол в другой комнате, металл грохнул по паркету.

София отбежала от больших окон, стекло черно поблескивало, ее собственное отражение виделось силуэтом на фоне более светлой стены.

Она услышала, как преследователь приближается с другой стороны, попятилась и спряталась за одну из дверей.

– Здесь везде заперто, – громко сообщил хозяин, входя в гостиную.

София задержала дыхание, сердце колотилось в груди, дверь поскрипывала. Хозяин встал в проеме. София видела его в щель между петлями – рот полуоткрыт, потные щеки.

Ноги у нее снова задрожали.

Он сделал еще несколько шагов, остановился, прислушался. София старалась стоять тихо, но испуганное дыхание все же казалось слишком громким.

– Мне надоела эта игра, – объявил человек по имени Вилле и двинулся дальше.

София слышала, как он ищет ее, как открывает и закрывает двери. Он кричал, что хочет только поговорить.

Ножки какой-то мебели проскребли по полу, и снова стало тихо.

София прислушалась. Слышались ее собственное дыхание, потерянное тиканье стальных часов, тихо потрескивал паркет. Больше – ничего.

Только подземная, ввергающая в отчаяние тишина.

София еще немного подождала, пытаясь расслышать крадущиеся шаги; она знала, что тишина может оказаться ловушкой, но все же покинула убежище. Надо было воспользоваться шансом.

Она прокралась в гостиную – тихую, словно погруженную в вековечный сон. Роскошная мебель и ее двойники в окнах. Ее собственная фигура в свете пышной люстры.

София подошла к стульям, стоящим вокруг светлого стола, и попыталась поднять один из них, но они оказались слишком тяжелыми. Тогда София взялась за спинку стула здоровой рукой и поволокла его за собой, к дверям веранды; постанывая от боли, она заставила себя взяться за стул и поврежденной рукой. Вцепившись в спинку стула обеими руками, она быстро сделала два шага, скрутилась и с криком обрушила тяжелый стул на стекло двери.

Стул ударил в стекло и с грохотом упал на пол, осколки посыпались на паркет. Огромный кусок стекла осел на пол и остался стоять, прислонясь к рамам.

Оглушительно завывла сигнализация.

София схватила стул, уже не думая, что порежет ноги, и изготовилась было снова ударить стулом в стекло, как увидела, что мужчина идет к ней со стороны прихожей.

Она выпустила стул, пробежала в огромную кухню, скользнула взглядом по белым половицам и столешницам из нержавеющей стали.

Мужчина спокойно шел за ней следом.

В мозгу мелькнуло воспоминание о том, как она в детстве играла в прятки: чувство бессилия, когда знаешь, что преследователь уже близко и тебе не уйти.

София оперлась о разделочный стол, случайно смахнула на пол очки в странной оправе.

Она не знала, что делать. Посмотрела на закрытые двери веранды, перевела взгляд на уголок, где висели две блестящие кастрюли, и дрожащей рукой, прерывисто дыша, повыдвигала ящики. Ножи!

Вилле вошел на кухню. Схватив нож, София повернулась лицом к мужчине, попятилась. Хозяин не спускал с нее глаз; обеими руками он сжимал каминную кочергу.

София, дрожа, нацелилась в него ножом с широким лезвием, понимая при этом, что у нее нет ни единого шанса.

Он забьет ее тяжелой кочергой до смерти.

Пульсирующий звук сигнализации. Изрезанные ступни горят огнем, поврежденная рука онемела.

– Пожалуйста, хватит, – задыхаясь, проговорила она, отступая в кухонный островок. – Давай вернемся в постель. Честное слово, я ничего не имею против.

Она положила нож подальше на разделочный стол и попыталась улыбнуться хозяину.

– Я все равно тебя изобью, – пообещал он.

– Совсем не обязательно. – София чувствовала, что мышцы лица уже не подчиняются ей.

– И твои раны будут нешуточными. – Вилле замахнулся кочергой.

– Сдаюсь! Прошу тебя, я...

– Ты сама во всем виновата, – перебил насильник – и внезапно выронил кочергу.

Кочерга тяжело упала на белый деревянный пол, со звоном подскочила и осталась лежать. Облачко пепла взметнулось над трезубцем и рассеялось в воздухе.

Мужчина изумленно улыбнулся и опустил глаза на пятно крови, расплывавшееся у него на груди.

– Какого черта, – прошептал он и взмахнул рукой, ища опоры; промахнулся мимо мойки и пошатнулся.

На белой рубашке появилось еще одно кровавое пятно. Красные раны на его теле расцветали, словно стигматы.

Мужчина, прижав руку к груди и спотыкаясь, двинулся в сторону столовой, но остановился и поднял окровавленные ладони. Напуганный, как школьник, он попытался что-то сказать, после чего рухнул на колени.

Кровь брызнула на пол перед ним.

Невыносимо пульсировала сигнализация.

Выгнутая панорама кухни отразилась в начищенной до блеска кастрюле для пасты.

На фоне светлых оконных занавесок София увидела человека со странной формой головы.

Он стоял, широко расставив ноги. В руках у него был пистолет.

Черная балаклава закрывала все лицо, кроме глаз и рта. Вдоль щеки свисали пряди волос или полоски жесткой ткани.

Вилле снова прижал руку к груди, кровь текла между пальцев и по предплечью.

София неуверенно повернулась и взглянула прямо на человека с оружием. Не переставая целиться в Вилле, он расцепил пальцы и свободной рукой выбросил на пол две пустые гильзы.

Пробежав мимо Софии, словно ее не существовало, незнакомец ногой в армейском ботинке отшвырнул кочергу, схватил Вилле за волосы, потянул его голову назад и прижал дуло к его правому глазу.

Это казнь, подумала София и, как во сне, двинулась к гостинной. Ударилась бедром о разделочный стол, рука проехала по краю. София прошла мимо обоих мужчин, дернулась и побежала было, но поскользнулась в крови. Ноги подогнулись, она какое-то время балансировала, а потом ударилась о пол спиной и затылком.

Перед глазами поплыл черный пар, потом к Софии вернулось зрение.

Человек в балаклаве еще не выстрелил, дуло еще мягко прижималось к закрытому глазу Вилле.

В затылке жгло и стучало.

Предметы перед глазами расплывались, словно потеряв свои очертания. То, что минуту назад выглядело жестким кожаным ремешком у щеки мужчины, показалось вдруг мокрыми перьями и грязными волосами.

София зажмурилась, ощутила, как ее затягивает в водоворот головокружения, потом услышала сквозь писк сигнализации голоса.

– Стой, стой, – просил Вилле, мелко дыша. – Ты думаешь, что все знаешь, но ты ошибаешься.

– Я знаю, что Рачен открыл дверь, и теперь...

– Кто такой Рачен? – задыхаясь, перебил Вилле.

– ...и теперь преисподняя поглотит всех вас, – закончил человек в маске.

Стало тихо, и София снова открыла глаза. Время словно остановилось. Человек в маске посмотрел на часы и что-то пошептал Вилле.

Тот ничего не ответил, но как будто понял. Кровь лилась у него из живота, стекала в промежность и ниже, в лужу на полу.

София увидела его очки – они лежали совсем рядом на полу, возле исцарапанного основания разделочного стола, а еще ближе – предмет, который сначала показался ей часами на ремешке.

Но она поняла, что это тревожная кнопка.

Похожая на металлическую коробочку с двумя кнопками, укрепленную на ремешке часов.

Человек в маске спокойно стоял, глядя на свою жертву.

София осторожно протянула руку, спрятала коробочку под собой и несколько раз нажала на кнопку.

Ничего не произошло.

Мужчина выпустил волосы Вилле, однако не убрал пистолет от его правого глаза. Немного подождал, положил палец на спусковой крючок.

Скрежетнула спусковая скоба. Голова Вилле мотнулась назад, кровь брызнула из макушки. Осколки черепа и ошметки чего-то серого разлетелись по кухонному полу, достали даже до столовой, дождем посыпались на спинки стульев, стол и вазу с фруктами.

София почувствовала, как теплое брызнуло ей на губы, увидела, как пустая гильза, звеня, падает на пол.

В воздухе повисло серое облачко порохового газа. Мертвое тело, как мокрый мешок с деревянными обломками, упало на пол и осталось лежать неподвижно.

Человек в маске наклонился (часы скользнули вниз по запястью) и подобрал гильзу с пола.

Он постоял, расставив ноги, над трупом, нагнулся, приставил дуло ко второму глазу, мотнул головой, чтобы убрать полоски мокрой ткани от лица, и снова положил палец на спусковой крючок.

Глава 6

Первый звонок зашифрованного служебного телефона был частью сна о ручье, пробиравшемся в густой траве. В следующую секунду Сага Бауэр вынырнула из сна и скатилась с кровати, не заметив, что стащила на пол одеяло.

В одних трусах Сага бросилась к оружейному шкафчику, одновременно набирая номер, который помнила наизусть. Свет уличных фонарей через жалюзи падал на ее худые ноги и голую спину.

Сага быстро отперла тяжелую стальную дверцу. Слушая инструкции по телефону, она вытащила черную сумку, сунула в кобуру “Глок-21”, взяла пять дополнительных магазинов.

Сага Бауэр, комиссар шведской службы безопасности, специализировалась на контр-террористических операциях.

Сегодня ее разбудил особый сигнал, означавший, что какому-то происшествию присвоен код “Платина”.

Выбегая в прихожую, Сага дослушала последние указания, потом закончила разговор и сунула телефон в сумку.

Надо торопиться.

Она натянула черный кожаный комбинезон прямо на голое тело, ощутила прохладную кожу на спине и груди, босые ноги сунула в тяжелые ботинки и схватила с полки шлем, тяжелый бронежилет и перчатки.

Не тратя времени на то, чтобы запереть входную дверь, она выскочила из квартиры, сбегала вниз по лестнице, затянула молнию до подбородка, подоткнула под шлем светлые пряди.

На Тавастгатан стоял грязный “Триумф-Спид-Трипл” с погнутым глушителем, поцарапанными дисками и изношенным стартером. Подбежав к мотоциклу, Сага отстегнула замок, и он упал на асфальт вместе с тяжелой цепью.

Она оседлала мотоцикл, завела мотор и на максимальной скорости понеслась через ночной город.

Небо было приглушенно-серым от уличного света и прозрачной мороси.

Не обращая внимания на светофор и запрещающие знаки, на Бастугатан Сага прибавила газу и обогнала такси.

Колени и бедра ощущали вибрацию мотора, рев проникал сквозь шлем, словно гул подземных вод.

Метр семьдесят ростом и мускулистая, как балерина, комиссар Сага Бауэр долго оставалась одним из лучших боксеров Северной Европы, но уже два года как перестала участвовать в соревнованиях.

В свои двадцать девять она все еще была поразительно красива, может быть, даже красивее, чем прежде, – светлая кожа, тонкая шея и голубые глаза.

Большинство их тех, кто встречал ее впервые, слабели внутри, словно что-то ломалось.

Она оставляла после себя тоску, словно после несчастной любви.

Коллеги привыкли к ее красоте и не замечали, что женщины и мужчины улыбаются и краснеют в ее присутствии.

Сага приходила в крайнее раздражение, когда кто-нибудь говорил, как она похожа на Тувстарр или на диснеевскую принцессу.

Надутый воздухом пакет завертелся перед мотоциклом, и Сага вынырнула из своих мыслей.

Съехав к Сёдер-Мэларстранд, она круто повернула направо, подножка проскребла по асфальту, но Сага удалось удержать равновесие на въезде под Центральный мост и выше, на выезде.

В первый раз она столкнулась с тем, что коду “Платина” присвоили наивысший уровень на шкале полиции безопасности: речь шла о безопасности государства. Высшая степень приоритетности.

Проезжая Гамла-Стан и Риддархольмен с его башнями и узкими переулками, Сага словно попала в темную лампу.

Сагу тренировали для подобных сценариев, и она знала: от нее ждут, что в таких обстоятельствах она будет реагировать самостоятельно, без оглядки на действующие законы.

В темноте мелькнули печальные строения Каролинской больницы; Сага выехала на шоссе Е-4, выжала максимум из трехцилиндрового девятилитрового мотора и на двухсот двадцати в час пролетела Рослагстуль и свернула налево, к университету.

Холодный воздух успокаивал ее, она повторила полученную информацию и набросала стратегический план действий.

Съехав с шоссе, она газанула на повороте и по Вэндевеген въехала в Юрхольм с его пышной зеленью и огромными виллами. Покрытые росой машины стояли на мощеных подъездных дорожках. Бассейны светились бирюзовым между фруктовыми деревьями и кустами.

На бешеной скорости Сага влетела в круговой разворот и повернула направо. Мышцы среагировали раньше, чем мозг успел зарегистрировать припаркованную машину, и Сага резко затормозила. Она едва не перевернулась, но благодаря тяжести тела преодолела инерцию движения. Заскользило заднее колесо. Сага с грохотом въехала в пластиковый контейнер для мусора, но вернула контроль над мотоциклом и прибавила скорость.

Быстро билось сердце.

Кто-то припарковал серебристый “Ягуар” сразу за поворотом, и машину скрывала густая зелень. Но у “Триумфа” был низкий центр тяжести, мотоцикл исключительно легко слушался руля.

Вероятно, это и спасло Сагу.

Вписываясь в широкий поворот между огромными виллами, она мельком глянула на большие прогулочные яхты. Низко легла на левый бок, но еще увеличила скорость, проезжая вдоль берега и дальше, по прямому отрезку через парк.

Глава 7

Приближаясь к дому, адрес которого ей продиктовали по телефону, Сага сбросила скорость, плавно свернула направо, на узкую подъездную дорожку, и остановилась.

Оставив мотоцикл лежать на траве, она бросила рядом шлем и на ходу надела бронешлем и кобуру.

Прошло тринадцать минут с того момента, как ее разбудил телефон.

В доме выла сигнализация.

Сага почувствовала укол тоски по комиссару Йоне Линне. До сих пор он всегда был рядом, когда она вела особо серьезные расследования. Он был лучшим полицейским из тех, кого она встречала, и одним из немногих, кто часто жертвует собой.

Однажды она предала его, случайно сделав то единственное, чего не должна была делать, но все исправила и была уверена, что он ее простил.

Сам он утверждал, что прощать нечего.

Они потеряли друг друга из виду, когда комиссара приговорили к тюремному заключению. Саге хотелось повидать его, но она знала, что Йона должен построить новую жизнь. Тюрьма многого потребует от него, ему придется убедить заключенных, что он один из них.

Саге Бауэр предстояло действовать в соответствии с кодом “Платина” в одиночку.

Она перелезла через ограду, добежала до входной двери, просунула в замок отмычку, а потом – узкое острие пистолета-отмычки, несколько раз нажала, сдвинула острие в замочной скважине правее; наконец цилиндрок замка сместился и ручка подалась.

Замок открылся с глухим щелчком.

Сага положила отмычку на землю, вытащила “Глок”, сняла оружие с предохранителя и открыла дверь. Вой сигнализации перекрывал все остальные звуки.

Сага проверила вход и обширный холл, вернулась к висевшей у двери сигнализации и ввела код, который знала наизусть.

Тишина прошла по дому и вернулась тягостной угрюмостью.

Подняв пистолет, положив палец на спусковой крючок, Сага прошла через холл, мимо лестницы, ведущей на второй этаж, и оказалась в большой гостиной, проверила дверь, ведущую направо, и двинулась дальше.

Одно из больших окон, выходящих на задний двор, оказалось разбито. На полу, засыпанный блестящими осколками, лежал стул.

Сага прошла мимо стула, приблизилась к кухне, увидела свое отражение, двоящееся в стеклянных вставках двери.

Кровь и осколки черепа покрывали пол кухни, мягкий уголок и низенький столик в библиотеке.

Сага быстро повела пистолетом по сторонам и осторожно двинулась вперед; теперь кухня просматривалась лучше. Белые шкафчики, рабочие поверхности из нержавеющей стали.

Она остановилась и прислушалась.

Тихое тиканье, словно кто-то, сидя неподвижно, постукивает ногтем по столешнице.

Сага направила оружие в дверной проем кухни, беззвучно переместилась в сторону и увидела лежащего на полу мужчину.

У него были прострелены оба глаза и живот.

Задняя часть черепа отсутствовала.

Под ним расплывалась темная лужа.

Руки раскинуты, словно труп решил позагорать.

Сага подняла пистолет и повела дулом по кухне.

Шторы, закрывавшие дверь террасы, шевелились и надувались изнутри. Кольца позвякивали друг о друга.

Кровь от первого выстрела в голову разбрызгалась по всему полу, и кто-то потоптался в ней босыми ногами.

Шаги вели прямо к Саге.

Она торопливо обернулась, повела пистолетом по комнате и пошла назад, к двойным дверям, ведущим в гостиную.

Вздрогнув, она краем глаза уловила, как какой-то человек крадучись выходит из-за дивана, где, видимо, прятался.

Она круто обернулась в тот момент, когда человек распрямился. Это оказалась женщина в голубом платье. Сага прицелилась ей в грудь; женщина, шатнувшись, шагнула вперед.

– Руки за голову, – крикнула Сага. – На колени, на колени!

Не опуская пистолета, Сага побежала к женщине.

– Прошу вас... – прошептала женщина и положила на пол браслет с тревожной кнопкой.

Она успела только показать Саге пустые руки, как та пнула ее под колено сбоку так, что обе ноги женщины подкосились, и она со стуком рухнула на пол, сначала бедром, потом – щекой и виском.

Встав над женщиной, Сага ударила ее над левой почкой, прижала пистолет к затылку, придавила к полу правым коленом и снова быстро оглядела комнату.

– Кто-то еще есть в доме?

– Только тот, который стрелял, на кухне, – ответила женщина, хватая ртом воздух. – Выстрелил и ушел...

– Тихо, – перебила Сага.

Она быстро перевернула женщину на живот и заломила руки ей за спину. Женщина сносила все с пугающей покорностью. Сага стянула ее израненные руки кабельным хомутом, вскочила на ноги, пробежала мимо убитого.

Шторы надувал и шевелил воздух.

Не опуская пистолета, Сага перешагнула запачканную сажей кочергу, проверила кухню слева, обошла кухонный островок и оказалась перед раздвижными дверями.

В пуленепробиваемом стекле было круглое отверстие, сделанное алмазной пилой; дверь оказалась открыта. В комнату вливался вечерний воздух, заставляя гардинные кольца позвякивать. Выйдя на террасу, Сага направила пистолет на траву между посадками.

Вода была неподвижной, ночь тихой.

Человек, который проник в дом подобным образом и совершил казнь, уже ушел с места преступления.

Сага вернулась к женщине, обмотала ей ноги кабельным хомутом и снова придавила коленом к полу.

– А теперь мне нужны ответы на кое-какие вопросы, – спокойно объявила она.

– Я тут ни при чем, я оказалась здесь случайно, я ничего не видела, – прошептала женщина.

Сага не удержалась и опустила платье, прикрыв ягодицы женщины, после чего поднялась. Сейчас сюда явятся пять минивэнов, и в дом хлынут бойцы полиции безопасности.

– Сколько было убийц?

– Один. Я видела только одного.

– Можешь описать его?

– Не знаю. Он был в маске, я ничего не видела. Черная одежда, перчатки, все было так быстро, я думала, что он и меня убьет, я думала...

– Ладно, подожди, – перебила Сага.

Она подошла к убитому. Круглое лицо оказалось нетронутым, и Сага без труда узнала этого человека. Достав шифрованный телефон, она отошла в сторону и позвонила шефу полиции безопасности. Стояла ночь, но он ждал этого звонка и ответил сразу.

– Убили министра иностранных дел, – доложила Сага.

Глава 8

Через семь минут сад и дом кишели людьми из спецгруппы службы безопасности, которую прозвали “Электролюкс”, хотя этой шутки уже никто не помнил.

За два года это полицейское подразделение существенно повысило уровень безопасности лидеров государства: лучшие телохранители, современные системы сигнализации. Существовало несколько уровней, но женщина нажала обе тревожные кнопки с интервалом менее трех секунд, и был активирован код “Платина”.

Место преступления оцепили, три зоны вокруг района Большого Стокгольма подвергли тщательнейшей проверке, на дорогах выставили заграждения.

Янус Миккельсен вошел, пожал Саге руку. Он руководил операцией в доме, и Сага быстро изложила ему положение дел.

У Януса, с его рыжевато-светлыми патлами и светло-рыжей щетиной, был какой-то старомодный хипповский шарм. Саге казалось, что он выглядит, как *“peace and love”*, но она знала, что до прихода в полицию безопасности Янус был профессиональным военным, участвовал в операции “Аталанта” и действовал в водах возле Сомали.

Янус оставил одного агента в дверях, хотя составить обычный список тех, кто работает на месте преступления, было невозможно. Не будет никаких сведений о тех, кто сейчас находится в доме. Если задействован код “Платина”, ни один человек не сможет узнать, кто получил информацию и что знал о произошедшем.

Двое полицейских из спецгруппы направились напрямиком к молодой женщине, лежавшей на боку со связанными руками и ногами. Глаза ее были красными от плача, тушь стекла к виску.

Один из подбежавших полицейских опустился рядом с ней на колени и достал шприц с кеталаром. Женщина так испугалась, что задрожала всем телом, но второй полицейский крепко держал ее, пока второй делал инъекцию в шею, прямо в верхнюю полую вену.

У женщины покраснели щеки, шея выгнулась назад, тело напряглось, а потом обмякло.

Сага увидела, как полицейские перерезают хомуты и закрепляют кислородную маску на лице женщины, кладут ее, вялую, в мешок для трупов и тянут вверх застежку-молнию. Потом полицейские перенесли не подающую признаков жизни женщину в фургон, чтобы отвезти в “Работный дом”.

Четыре другие команды обследовали место преступления, тщательно все документируя. Они умело снимали отпечатки обуви и пальцев, рисунок пятен, пулевые отверстия, определяли угол стрельбы, собирали биологические следы, образцы текстиля, волосы, телесные жидкости, осколки кости, мозжечковой миндалины, осколки и щепки.

– Жена и дети министра уже едут домой, – сказал Янус. – Самолет приземлится в аэропорту Арланда в восемь пятнадцать, к этому времени здесь должно быть чисто.

Группе предстояло забрать с собой всю информацию одним разом, поскольку другого случая полицейским никто не даст.

Сага поднялась по поскрипывавшей лестнице в спальню министра. Там пахло мочой и потом. С четырех столбиков кровати свисали кожаные ремни. По постельному белью растеклась кровь.

Свет, падавший из виндера, выхватывал лежавшую на бюро плетку. За стеклом беззвучно двигались стрелки “Ролекса” и “Брегета”.

Сага подумала: знала ли хозяйка о визите проститутки?

Вероятно, нет.

Наверное, она просто не стала спрашивать.

С годами человек научается мириться с трещинами в собственной картине мира и продолжает цепляться за то, что все-таки ощущается как безопасное.

Сама Сага много лет встречалась с джазовым пианистом Стефаном Юханссоном, прежде чем он ушел от нее.

Он переехал в Париж, играл в группе, обручился.

Сага знала, что жить с ней нелегко, что она вспыльчива, иногда реагирует слишком бурно.

Она много работала; единственная сексуальная связь после расставания у нее была, когда Стефан приехал в турне по Швеции. Он позвонил ей поздно вечером, и она позволила ему переночевать. Она знала, что он не бросит невесту ради нее, но все-таки переспала с ним.

Сага вернулась на нижний этаж, к изрешеченному пулями трупку на кухне.

Свет прожекторов отражался от ступеней из рифленого алюминия. Саге показалось, что она стоит на серебряном мосту над кровавым хаосом.

Сага долго смотрела на повернутые ладонями вверх руки мертвеца, на желтую мозоль под обручальным кольцом, на пятна пота под мышками.

Группа вокруг нее работала быстро, молча. Полицейские снимали и каталогизировали все в айпэде, в трехмерной системе координат. С механической точностью полицейские приклеивали волосы и текстильные волокна на защитную пленку, а волокна и фрагменты черепа собирали в колбы, которые потом охладят, чтобы предотвратить рост бактерий.

Ни одной пробы не будет отослано в лабораторию в Линчёпинге – у полиции безопасности собственная лаборатория для ситуаций, подобных этой.

Сага подошла к двери веранды и стала рассматривать круглое отверстие в трехслойном пуленепробиваемом стекле.

Акустические датчики разбития стекла и магнитные контакторы сработали только тогда, когда по стеклу ударили стулом. Тогда и включилась сигнализация.

Камень бросил не преступник.

Сага подумала о перепуганном лице женщины, изодранных запястьях, запахе мочи.

Ее держали здесь, как пленницу?

Двое мужчин покрыли пол толстым слоем охлажденной фольги и плотно прижали фольгу широким роликом.

Компьютерщик осторожно обмотал жесткий диск камеры видеонаблюдения пузырчатой пленкой, после чего положил его в сумку-холодильник.

Янус нервничал – челюсти сжаты, брови почти побелели, веснушчатый лоб мокрый от пота.

– Ладно, какого... что скажешь? – спросил он, вставая рядом с Сагой.

– Не знаю. Первый выстрел, в живот, сделан с расстояния и под несколько необычным углом.

Венозная кровь толчками выплескивалась из живота министра на пол.

Скорость пистолетного выстрела – почти тысяча километров в час, и пуля оставляет грязное кольцо вокруг входного отверстия. На рубашке министра виднелись два прозрачных кольца пороховой пыли.

Сначала два выстрела, сделанных с расстояния, потом – два в упор.

Сага склонилась над телом, изучая входные отверстия на глазницах, и увидела, что пороха вокруг ран нет.

– Он стрелял с глушителем, – прошептала она.

Преступник стрелял с глушителем такого рода, который уменьшает и огонь – следов порохового газа не было. В противном случае выброшенные выстрелом газы проникли бы под кожу и образовали углубление-воронку.

Это обычная ситуация.

Сага поднялась и сделала шаг в сторону, чтобы дать дорогу технику – тот прижал ламинирующий слой к лицу убитого, к пулевому отверстию, пытаясь снять частицы с кольца грязи, чтобы потом пометить центр входного отверстия на пластике фломастером.

– После смерти его переворачивали на живот, а потом опять на спину, – заметила Сага.

– Зачем? – усмехнулся техник. – С чего...

– Помолчи-ка, – перебил Янус.

– Я хочу увидеть его спину, – сказала Сага.

– Делай, как она говорит.

Все чувствовали, как утекает время. Со все возрастающей нервозностью мужчина закрепил пакеты на руках министра и положил рядом с ним мешок для трупов. Полицейские осторожно подняли крупное тело и положили поверх мешка на живот. Сага осмотрела широкие выходные отверстия в спине и месиво на затылке.

На паркете, в том месте, где лежал убитый, она увидела две дыры от пуль и поняла, почему тело сдвинули в сторону.

– Убийца забрал пули.

– Никто так не делает, – проворчал Янус.

– У него был полуавтоматический пистолет с глушителем... четыре выстрела, из которых два, безусловно, смертельные.

Крупный мужчина ходил вокруг темной мебели салона, разбрызгивая специальный раствор на материю, в то время как другой техник ставил кресло на место, в углубления от ножек в ковре.

– Все, заканчиваем, – крикнул Янус и хлопнул в ладоши. – Через десять минут моем, убираем. Стекольщик и маляр будут самое позднее через час.

Когда они вышли, крупный техник собрал за ними пластины, по которым они передвигались. Едва они вышли за дверь, как в дом вошла санационная команда и принялась разбрызгивать по помещениям пену с сильным запахом хлорки.

Убийца не только забрал гильзы; он выковыривал пули из пола и стен, пока завывала сигнализация и к месту преступления мчались полицейские. Даже киллер высочайшего уровня не стал бы тратить время на это.

Это было безусловно исполненное убийство, и все-таки преступник оставил свидетеля. Вряд ли он упустил, что кто-то был на месте преступления и видел его.

– Поеду поговорю со свидетельницей. – Сага подумала, что женщина может оказаться причастной к убийству.

– Ты же знаешь – с ней уже работают наши специалисты, – заметил Янус.

– У меня к ней свои вопросы. – И Сага двинулась к мотоциклу.

Глава 9

В Катаринабергет находится самое большое в мире атомное бомбоубежище, построенное в начале холодной войны. Сейчас сооружение используется как парковка, за исключением старого машинного отделения для резервных энергогенераторов и вентиляции.

Машинное отделение – это отдельное сооружение в горе, сбоку от самого убежища.

Сейчас оно в распоряжении службы безопасности.

Именно здесь располагается секретная тюрьма под названием “Работный дом” – глубоко внизу, в старых ледяных бассейнах, где проводятся допросы особо опасных преступников.

День еще не начался, когда Сага проехала Слуссен на своем грязном мотоцикле. Прямо с места преступления в Юрхольме она помчалась сюда; пропотевший кожаный комбинезон холодной тряпкой лежал на груди. Она проехала в сводчатые ворота возле автозаправки и свернула в гараж. Из-за изменившейся акустики звук мотора словно присасывался к ней.

Мусор набился под облупленными желтыми перилами, провода свисали из воронки громкоговорителя.

Жестяные пластины на широких трещинах пола гудели под крышками, когда Сага проезжала границу ударной волны убежища и гигантские раздвижные двери.

Пока она съезжала по бетонному пандусу, мысли вертелись вокруг неразрешенных вопросов.

Зачем женщина нажала тревожную кнопку и осталась на месте преступления, если она замешана?

Зачем убийца оставил свидетельницу, если она не замешана?

С точки зрения службы безопасности, женщина представляла угрозу независимо от того, причастна она к убийству или просто оказалась в плохом месте в плохое время.

Сага осторожно притормаживала, съезжая все ниже по серпантину подземной парковки-гаража.

Личность свидетельницы уже установлена. Женщину зовут София Стефанссон; кажется, она занимается проституцией, хотя никто пока этого не подтвердил.

Полиция основывалась только на ее собственных словах и немногих свидетельствах, обнаруженных у нее в квартире.

Конечно, для Саги это не было поводом считать, что Софию завербовала какая-нибудь террористическая организация.

Возможно, женщина только выполнила роль приманки, возможно, ее засняли в постели с министром иностранных дел, чтобы потом шантажировать его?

Но почему тогда его убили?

Сага отпустила тормоз и свернула на самый нижний уровень, сорок метров под землей.

Под постукивание крышек она проехала мимо припаркованных машин. Рыжая пыль вилась вокруг мотоцикла, когда Сага покатила по самому глубокому участку парковки. Остановилась и подошла к синим взрывозащитным дверям.

Сага протащила удостоверение через новейшее считывающее устройство, ввела девять цифр и несколько секунд ждала, пока откроется шлюзовая дверь.

Повторив процедуру и получив инструкции от охранника, Сага сдала ему оружие и ключи, прошла через АИТ-сканер, и наконец ее выпустили через следующие шлюзовые двери.

В комнате персонала с кухонькой сидела Жанетт Флеминг – психолог и эксперт по ведению допросов СЭПО. Красивая, средних лет женщина, светлые волосы, стрижка под мальчика.

Как всегда, элегантно одетая, Жанетт ела салат из пластикового ланчбокса; крышка лежала рядом на столе.

– Ты знаешь, что я с тобой не заигрываю, но ты невероятно привлекательна, – сказала Жанетт, вонзая пластмассовую вилку в салат. – Каждый раз мне удается закрывать на это глаза... и это что-то вроде инстинкта самосохранения.

Жанетт поставила остатки салата в холодильник и пошла следом за Сагой по коридору к лифтам.

– Как дела с обжалованием? – спросила Сага.

– Мне категорически отказали.

– Жалко.

Жанетт восемь лет ждала, чтобы ее муж решил, не настал ли подходящий момент завести ребенка, после чего он оставил ее. Три года она пыталась счастья на сайтах знакомств, потом подала в ландстинг заявление на искусственное оплодотворение.

– Ну, не знаю, может, съездить в Данию... но мне все-таки хочется, чтобы ребенок говорил по-шведски, – пошутила Жанетт, входя за Сагой в кабину лифта.

Она нажала кнопку нижнего этажа, двери закрылись, механизм, погромыхивая, заработал.

– Я прочитала только первый отчет, в телефоне, – сказала Сага.

– Это так грубо по отношению к бедной девочке. Она испугалась и замкнулась. Но они явно получили приказ действовать жестко.

– От кого? Кто отдал такой приказ?

– Не знаю, – сказала Жанетт.

Лифт быстро увозил их вниз по шахте. Свет из кабины падал на грубые скальные стены. Противовес блеснул и уплыл вверх.

– София боится, что будет еще больше боли... ей нужен человек, который выслушает ее.

– Кому не нужен такой человек? – улыбнулась Сага.

Оказавшись внизу, они торопливо прошагали по холодному коридору. На этом уровне царил вечная серость.

Рассказ Софии Стефанссон подтвердил патологоанатом, констатировавший высокое содержание быстродействующего снотворного флунизепема в ее крови. Запястья и лодыжки у нее были в ранах, на внутренней части бедер – синяки, а ее отпечатки остались на стуле, которым разбили окно.

Если ее рассказ соответствует правде, то она – жертва, согласно закону о противодействии торговле сексом. В таком случае ее использовал и избил покупатель, и ей следует поговорить с полицией и психологом.

Но так как София могла быть замешанной в серьезную террористическую операцию, она оказывалась вне действия законов и принципов правовой защищенности.

– Думаю, мне лучше подождать в контрольной комнате, – сказала Жанетт.

Сага ввела код и открыла дверь старого ледяного бассейна.

Ярчайший свет в огромном, лишенном окон помещении; видеочамера регистрировала все происходящее.

Бассейн был спроектирован для двухсот тонн льда, который в случае атомной войны понижал бы температуру воздуха, если бы в огромном убежище стало жарко из-за тепла, выделяемого человеческими телами.

София Стефанссон в странной позе стояла на пластиковом коврике посреди помещения. Руки связаны за спиной, тело подалось вперед и всей тяжестью висит на тросе, который тянулся к половице под траверзой. Плечи напряжены, голова опущена, пряди волос закрывают лицо.

Глава 10

Подойдя к Софии, Сага проверила, жива ли та, и объяснила, что сейчас бережно опустит ее на пол, но было бы хорошо, если бы София помогала ей – так, чтобы спуститься без травм.

Ослабив напряжение троса, Сага начала крутить лебедку. Таль пошелкивала, София медленно опускалась. Одна нога так и торчала под странным углом.

– Поставь пятку на пол и упрись! – крикнула Сага.

Вид израненных лодыжек Софии заставил Сагу вспомнить об окровавленных ремнях на столбиках кровати на втором этаже.

Сначала – там, потом – здесь, внизу, без контакта с окружающим миром, без объяснений.

София легла на бок на пластиковый коврик, тихо, измученно дыша. Без косметики она выглядела моложе, она могла оказаться сколь угодно юной. Веки отекли, синяки на шее стали темнее.

Сага ослабила тряпочные петли на ее руках. София дрожала, напрягшись всем телом.

– Не мучьте меня, пожалуйста, – выдохнула она. – Я ничего не знаю!

Сага подошла к стене, подняла к потолку пустой трос и подвинула Софии стул.

– Меня зовут Сага Бауэр, я комиссар полиции безопасности.

– Хватит, – прошептала София. – Прошу вас. Я больше не выдержу.

– Послушай, София... Я не знаю, что с тобой здесь делали, мне жаль, что так получилось, мы с моим шефом разберемся, кто в этом виноват, – пообещала Сага.

София подняла голову. Щеки были пятнистыми от плача, с нее сняли все украшения, темно-русые волосы потными прядями облепили бледное лицо.

Сага на себе тестировала пытку утоплением, это входило в спецподготовку, но не думала, что она настолько эффективна.

Сага посмотрела на ведро, где тряпка плавала в воде, смешанной с кровью, и подумала: этой пыткой полицейские добыли только тайны подвергшейся ей женщины, больше ничего.

Сага открыла бутылку минеральной воды, помогла Софии сделать глоток и дала ей дольку шоколада.

– Когда меня отпустят домой? – прошептала София.

– Не знаю. Сначала нам надо получить ответы на несколько вопросов, – с сожалением сказала Сага.

– Я уже все рассказала. Я не сделала ничего плохого, я не знаю, почему я здесь, – заплакала София.

– Я тебе верю, но мне надо знать, почему ты оказалась в том доме.

– Я все рассказала, – всхлипнула София.

– Расскажи еще раз мне, – мягко попросила Сага.

София осторожно подняла затекшие руки, чтобы вытереть слезы.

– Я оказываю эскорт-услуги, и он связался со мной, – тонким голосом произнесла она.

– Как? Как он связался с тобой?

– Я дала объявление, он прислал мне электронное письмо, написал, что именно его интересует.

Молодая женщина медленно села, взяла еще дольку шоколада, сунула в рот, раскусила.

– Ты взяла с собой слезоточивый газ. Ты всегда его берешь?

– Да, всегда, хотя большинство клиентов милые и обходительные... У меня больше проблем с теми, кто влюбляется в меня, чем с теми, кто со мной груб.

– Но разве никто не знает, куда ты едешь? Разве нет человека, который может приехать на выручку, если тебе понадобится помощь?

– Я записываю имена и адреса в книжку... а Тамара – моя лучшая подруга... он был ее клиентом, и она говорила – он не проблемный.

– Тамара, а по фамилии?

– Йенсен.

– Где она живет?

– Она переехала в Гётеборг.

– У тебя есть ее телефон?

– Да, но я не знаю, действующий ли он.

– У тебя есть еще подруги, которые оказывают эскорт-услуги?

– Нет.

Сага отошла на несколько шагов, посмотрела на Софию. Наконец-то девушка говорит правду о своей работе.

Эти сведения никак не противоречат ее рассказу об убийстве – даже при том, что едва ли подтверждают его.

– Что ты знаешь о своем клиенте?

– Ничего... Он очень много заплатил, чтобы его связали в постели.

– Ты его связала?

– Почему вы все задаете одни и те же вопросы, не понимаю! Я не вру, зачем мне врать?

– Расскажи только, что случилось на самом деле. – Сага попыталась поймать взгляд женщины.

– Он подсыпал мне наркотик и связал...

– Как выглядела кровать?

– Большая. Я не особенно помню. Какая разница?

– О чем вы говорили?

– Ни о чем. Он был мерзкий, и все.

Техники-криминалисты уже проверили ее компьютер, телефон и записную книжку с адресами. София явно не знала, что ее клиент – министр иностранных дел Швеции.

Сага смотрела на напряженный рот и измученное лицо молодой женщины. Она снова подумала, что София воспроизводит свой первоначальный рассказ как-то слишком хорошо. Словно избегает мелких подробностей, чтобы ее не поймали на лжи.

– Когда ты пришла, у ворот стояли какие-нибудь машины?

– Нет.

– Что он ответил, когда ты позвонила в домофон?

– Я не знаю, кто он, – голос у Софии прерывался. – Я понимаю, что он богатый и важный человек, но это все. Я знаю только, что он называл себя Вилле, но клиенты обычно не сообщают своих настоящих имен.

Сага задумалась. Если София входит в какую-нибудь радикальную группировку и разделяет принятые там взгляды, она ни в чем не признается, но если ее обманули или заставили соучаствовать, то есть возможность, что она раскроется.

– София, если ты хочешь что-нибудь мне рассказать – я тебя выслушаю... Ты никого не убивала, это я уже знаю и думаю, что могу помочь тебе. Но для этого мне нужна правда.

– Меня в чем-то обвиняют? – София как будто закрылась.

– Когда убивали министра иностранных дел Швеции, ты оказалась на месте преступления, ты лежала связанная в его кровати, ты швырнула стул в его окно, ты поскользнулась в его крови.

– Я не знала, – прошептала София и побелела.

– Так что мне нужны кое-какие ответы... Я понимаю, что тебя обманули или принудили, но я хотела бы услышать, какое у тебя было задание вчера вечером.

– У меня не было никакого задания. Не понимаю, о чем вы говорите.

– Если ты не будешь сотрудничать со мной, я ничего не смогу для тебя сделать. – Сага, словно заканчивая разговор, поднялась со стула.

– Не уходите, пожалуйста, – из голоса молодой женщины потоком хлынуло отчаяние. – Я попробую помочь, обещаю.

Глава 11

Сага подождала, пока София попросит не оставлять ее одну; она уже подошла к двери и положила пальцы на ручку.

– Если тебе или твоей семье угрожают, мы можем помочь. – Сага открыла дверь. – Можем поселить тебя в квартиру-убежище, сделать новые удостоверения личности, мы все устроим.

– Не понимаю. Я... Кто может нам угрожать? Зачем... Ерунда какая-то.

Сага снова подумала, что София, может быть, просто оказалась не в том месте. Но в таком случае встает вопрос, почему профессиональный убийца оставил свидетельницу.

Если она действительно свидетельница, она должна была видеть что-то, что двинет расследование дальше. Во время предыдущего допроса она не смогла назвать ни одной особенной приметой убийцы. София только все возвращалась к тому, что его лицо было скрыто, и повторяла, как быстро все произошло.

Надо заставить ее вспомнить настоящие детали, поскольку мелочи могут потянуть за собой весь пласт фактов и вывести на поверхность наблюдения, потерянные из-за шока.

– Ты видела убийцу. – Сага снова повернулась к Софии.

– Но на нем была маска, я уже говорила.

– Какого цвета у него были глаза? – Сага закрыла дверь.

– Не знаю.

– Какой нос?

София покачала головой. Рана на губе лопнула и начала кровоточить.

– В министра выстрелили. Ты обернулась и увидела убийцу с оружием в руках.

– Я только хотела выбраться оттуда. Побежала, упала и нашла сигнализацию...

– Стоп, стоп. Опиши, как выглядел убийца, когда ты обернулась.

– Он держал пистолет обеими руками.

– Вот так? – Сага изобразила захват обеими ладонями.

– Да, но он целился вперед, мимо меня... Ему было все равно, что я там, не знаю даже, заметил ли он меня. Все произошло за несколько секунд, он был сзади меня, но подбежал и вцепился в волосы...

София замолчала и, наморщив лоб, уставилась перед собой, словно снова увидела страшную картину.

– Убийца держал его за волосы? – мягко спросила Сага.

– Вилле резко упал на колени после второго выстрела... убийца держал его за волосы, приставил пистолет к одному глазу. Боже, не могу поверить...

– Он потерял много крови, так?

– Очень много.

– Он был напуган?

– Ужасно напуган, – прошептала София. – Он хотел выиграть время, сказал, что это ошибка, у него в горле была кровь, и ему было трудно говорить, но он пытался сказать, что это ошибка, что пусть его оставят в живых.

– Что именно он сказал? Дословно?

– Сказал... “Ты думаешь, что все знаешь, но ты знаешь не все...” А убийца сказал... совершенно спокойно... что Рачен открыл дверь... Погодите, вот что он сказал: Рачен открыл дверь... и преисподняя поглотит всех... всех вас, вот что он сказал.

– Рачен?

– Да.

– Он не мог назвать какое-то другое имя?

- Нет... или... именно так оно прозвучало.
- Не похоже было, что министр знает, кто такой Рачен?
- Нет. – София закрыла глаза.
- Вспомни, что еще он сказал?
- Ничего. Я больше ничего не слышала.
- Что он имел в виду – “Рачен открыл дверь”?
- Не знаю.
- Рачен открыл дверь? И привел с собой преисподнюю ко всем? – громко спросила Сага.

- Прошу вас.
- Как, по-твоему?
- Я не знаю, – сказала София и вытерла слезы.

Сага быстро прошагала к двери, слыша, как София кричит ей в спину, что ничего не знает.

Глава 12

Шофер-телохранитель с неподвижным лицом взглянул в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что автомобиль сопровождения следует за ними.

Звук мотора, проходя через кузов министерского, созданного по специальному заказу “Вольво”, становился приятным урчанием.

Почти год назад служба безопасности приняла решение возить премьер-министра в бронированном автомобиле: почти четыре тонны, двенадцать цилиндров, четыреста пятьдесят три лошадиные силы. Скорость заднего хода превышала сто километров в час, стекла устроены так, чтобы удерживать пули, выпущенные из скорострельного оружия.

На просторном кожаном диванчике сзади сидел премьер-министр; большой и указательный пальцы левой руки лежали на закрытых глазах. Синий пиджак расстегнут, красный галстук косо лежит на рубашке.

Рядом с ним сидела Сага, все еще в мотокомбинезоне. Она не успела переодеться, тело было разгоряченным после ночи и утра. Страшно хотелось расстегнуть молнию до пупка, но приходилось воздерживаться – под кожаным костюмом все еще ничего не было.

На правом переднем сиденье находился высший руководитель службы безопасности – Вернер Санден. Схватившись за спинку сиденья правой рукой и развернувшись так, чтобы видеть премьер-министра, он докладывал о действиях службы.

Своим низким голосом он перечислил все, от момента, когда разбудили Сагу Бауэр и выставили заграждения на дорогах, до ускоренного осмотра места преступления и криминалистических отчетов, которые уже начали поступать.

– Дом привели в порядок, там не осталось ни следа того, что случилось ночью, – закончил Вернер.

– Я все думаю о семье, – тихо сказал премьер-министр и перевел взгляд на окно.

– Мы не посвящаем их в случившееся, это дело высшего уровня секретности.

– Вы утверждаете, что положение серьезное, – заметил министр, одновременно отвечая на смс.

– Да. Есть особые обстоятельства, из-за которых мы попросили о немедленной встрече.

– Но вам известно, что вечером я улетаю в Брюссель. У меня действительно нет времени на все это.

Сага почувствовала, что кожа комбинезона прилипла к потным ягодицам.

– Мы имеем дело с профессиональным или полупрофессиональным убийцей, который держится в рамках своего задания, – начала она и попыталась немного приподнять зад над сиденьем.

– Служба безопасности вечно верит в теорию заговора. – Министр снова посмотрел в телефон.

– Преступник использовал полуавтоматический пистолет с глушителем, который охлаждает газы, – продолжила Сага. – Он убил министра иностранных дел выстрелом в правый глаз и подобрал пустую гильзу, наклонился над трупом, приставил дуло к левому глазу, выстрелил и подобрал гильзу, повернулся...

– Ну ладно, ладно. – Министр посмотрел на нее.

– Убийца не стал отключать сигнализацию. Но, несмотря на то что вой перебудил всю округу и полицейские уже мчались туда, он остался на месте преступления и вынул пули из деревянного пола и стен, прежде чем покинуть виллу. Он знал, где расположены камеры наблюдения – его нет ни на одной записи... И я готова поспорить, что техники не найдут ничего, что подвело бы нас ближе к нему.

Сага замолчала, глядя на министра; тот отпил норвежской воды, поставил тяжелый стакан на лакированное дерево столика и провел рукой по губам.

Машина проплыла через дипломатический городок и покатила по северному Юргордену. Слева ширились поросшие травой поля Ердета. В семнадцатом веке здесь был военный плац, но в наши дни видны только собачники и прогуливающаяся публика.

– Так это была казнь? – хрипло спросил министр.

– Мы пока не знаем, в чем дело, но, возможно, речь идет о разновидности шантажа. Преступник пытался получить доступ к секретной информации, – пояснил Вернер. – Возможно, министра иностранных дел вынудили сделать какое-то заявление “на камеру”.

– Звучит не очень хорошо, – прошептал премьер-министр.

– Мы уверены, что речь идет о политическом терроризме, даже если никто не взял ответственности за преступление, – ответил Вернер.

– О терроризме?

– В доме министра находилась проститутка, – сказала Сага.

– У него свои сложности. – Премьер-министр слегка втянул воздух в ноздри орлиного носа.

– Да, но...

– Довольно!

Ворона сорвалась и улетела с дороги, закружились над землей несколько листьев, на выгоне под жидкой моросью стояла одинокая лошадь.

Сага покосилась на премьер-министра: взгляд у того был отсутствующим, рот напряжен. Пытается свыкнуться со случившимся? Убит министр иностранных дел из его кабинета. Может быть, сейчас он, напуганный, вспоминает, когда такое было в последний раз.

Серым осенним днем 2003 года тогдашний министр иностранных дел Анна Линдт с подругой зашла в магазин, где на нее напал мужчина, который нанес ей несколько ножевых ранений – в грудь, руки и живот.

Рядом с Анной Линдт не оказалось ни охраны, ни телохранителей. Раны оказались такими тяжелыми, что она скончалась под наркозом на операционном столе, получив до этого более восьмидесяти литров донорской крови.

Швеция тогда была другой страной – страной, где политики все еще считали себя вправе отстаивать социалистическую идею о международных приличиях.

– Но эта женщина, которой попользовался министр иностранных дел, – сказала Сага и посмотрела в глаза премьер-министру, – слышала фрагмент разговора, который заставляет нас думать, что это убийство – первое в череде запланированных убийств.

– В череде убийств? Что еще за череда такая? – Голос министра прозвучал громче обычного.

Глава 13

“Вольво” премьер-министра проехал по узкому каменному мостику через Юргордсбрунн, свернул налево и покатил вдоль канала. Гравий похрустывал под колесами; две утки вошли в воду и поплыли прочь от берега.

– Убийца говорил про Рачена, как если бы это был ключевой человек, – заметил Вернер.

– Рачен? – удивленно повторил премьер-министр.

– Мы думаем, что установили его личность. Это Салим Рачен, его приговорили к долгому тюремному сроку за преступления, связанные с наркотиками, – пояснила Сага и подалась вперед, чтобы кожаный костюм отклеился наконец от мокрой спины.

– Мы видим отчетливую связь между событиями этой ночи и шейхом Айяд аль-Джахизом, который руководит террористической группировкой в Сирии, – пояснил Вернер.

– У нас есть только эти фотографии Айяд аль-Джахиза. – Сага достала телефон.

На короткой видеозаписи немолодой человек с приятным лицом, седоватой бородой и в очках, улыбаясь, говорил в камеру так, словно читал лекцию внимательным школьникам.

– У него на очках брызги крови, – прошептал премьер-министр.

Шейх Айяд аль-Джахиз закончил свою речь и вскинул руки в благословляющем жесте.

– Что он сказал?

– Он сказал... “Мы будем волочь неверных за грузовиками и труповозками, пока не перетрутся веревки... Наша задача – найти лидеров, которые возьмут в руки бомбы и будут бросать их до тех пор, пока у них не исчезнут лица”.

Премьер-министр дрожащей рукой провел по губам.

Машина возвращалась через Лилла-Шётуллсбрунн к гавани, где швартовались небольшие суда.

– А служба безопасности в тюрьме Халль записала разговор, который Салим Рачен вел по незарегистрированному телефону, – сообщил Вернер. – Говорили по-арабски, о трех больших праздниках. Первый праздник – это когда убили министра иностранных дел... второй будет в среду, а третий – седьмого октября.

– Господи, – выговорил премьер-министр.

– У нас четыре дня, – подытожил Вернер.

Ветки, унизанные светло-зелеными листьями, стукнули по крыше. Машина круто свернула и покатила к телебашне на мысе Какнэс.

– Как вообще могло получиться, что вы не контролируете этого Рачена? – спросил премьер-министр и вытащил салфетку из коробки на дверце машины.

– Раньше у него не было связей ни с одной террористической сетью, – сказал Вернер.

– Значит, он стал радикалом в тюрьме. – Министр вытер шею.

– Да, так мы и думаем.

Дождь усилился, и водитель включил “дворники”. Пластины беззвучно стирали капли со стекла.

– И вы полагаете, я могу оказаться... одним из праздников?

– Риск существует, – ответила Сага.

– Значит, вы мне тут рассказываете, что кто-то собирается убить меня в среду. – Премьер-министр даже не пытался скрыть, насколько он взвинчен.

– Надо заставить Рачена говорить... надо узнать его планы прежде, чем станет поздно, – сказал Вернер.

– Так чего вы ждете?!

– Мы полагаем, что Салима Рачена нельзя допрашивать обычным способом, – попыталась объяснить Сага. – Он молчал на допросе пять лет назад и на суде не сказал ни слова.

- У вас же есть свои методы, всякие такие приемчики, разве нет?
- Чтобы сломать кого-то, может потребоваться много месяцев.
- Я занимаю довольно важный пост. – Премьер-министр рвал салфетку на мелкие клочки. – Я женат, у меня двое детей, я...
- Мы весьма сожалеем, – сказал Вернер.
- Именно сейчас вы нужны по-настоящему, так не говорите, что ничего не можете поделать!
- Спросите меня, что нам делать, – предложила Сага.
- Премьер-министр удивленно посмотрел на нее и немного ослабил узел галстука.
- Что нам делать? – повторил он.
- Попросите шофера остановиться и выйдите из машины.
- Они доехали уже до Луддена с его мрачными нефтяными цистернами. Длинная спина волнореза едва виднелась сквозь серый дождь.
- Министр, хоть и выглядел озадаченным, подался вперед и попросил шофера остановить машину.
- Дождь припустил сильнее, холодные капли шлепали по лужам. Шофер-телохранитель коротко переговорил с людьми из машины сопровождения и остановился перед пожарным депо.
- Ехавший сзади черный “БМВ” тоже свернул и мягко затормозил.
- Шофер вышел и остановился в паре метров от машины. Его форменная бежевая куртка в считанные секунды потемнела от дождя.
- Так что нам делать? – снова спросил премьер-министр и посмотрел на Сагу.

Глава 14

Тень от тучи медленно ползла по плоскому ландшафту; она перелезла ограду с колючей проволокой, скользнула по лужайке с пожухлой травой и семиметровой стене.

Рабочий день в отделении “Т” закрытого пенитенциарного учреждения Кумла закончился, и пятнадцать заключенных теснились в крошечном спортзале в конце коридора.

Гири, гантели, штанги – все, что можно использовать для нападения, – были здесь под запретом.

Заключенные расступились, когда в зал вошел Рейнер Кронлид со своим телохранителем из тюремной группировки “Братство”. Могущество Рейнера строилось на том, что он контролировал наркоторговлю в отделении; Кронлид охранял свое положение, словно ревнивый бог.

Он обходился без лишних слов; тощий мужчина тут же слез с велотренажера и быстро протер сиденье и руль бумажным полотенцем.

Неподвижный люминесцентный свет лежал на исцарапанных стенах, тяжело пахло потом и “Тигровым бальзамом”.

Несколько застарелых наркоманов, как обычно, стояли у разделительной перегородки из плексигласа, двое албанцев из банды Мальмё кружили возле сложенного стола для пинг-понга.

Потемнело, когда туча напозла на бледное солнце.

Йона Линна закончил подтягиваться, отпустил перекладину под потолком, мягко спрыгнул на пол и глянул в окно. Пыльный солнечный свет снова залил спортзал. Зрачки сжались, серые глаза на несколько секунд сделались похожи на расплавленный свинец.

Йона был гладко выбрит, светлые волосы коротко, почти “ежиком” подстрижены, лоб наморщен, рот серьезен. Одет Йона был в голубую футболку, швы на накачанных мускулах расплзлись.

– Еще один подход, а потом переходим к широкому захвату, – объявил Марко.

Марко, старый жилистый заключенный, взял на себя роль телохранителя Йоны по собственной воле. Отношения между группировками в отделении всегда были напряженные, и хотя сейчас здесь установилось хрупкое равновесие, Марко везде сопровождал Йону.

В зал вошел новый заключенный с костистым лицом. Он что-то прятал у бедра. Острые скулы, бледные губы, жидкие волосы собраны в хвост.

Вошедший был одет не для спортзала: ржаво-красная расстегнутая флисовая куртка обнажала татуированные шею и грудь.

Кто-то открыл дверь, и с внезапным сквозняком комок из пыли и волос скользнул по полу.

Тощий миновал последнюю камеру наблюдения, закрепленную под потолком, вошел в зал и остановился перед Йоной.

Один из охранников за перегородкой отвернулся, и дубинка, висевшая у него на бедре, проскребла по плексигласу.

Несколько заключенных повернулись спиной к Йоне и Марко.

Атмосфера сгустилась, все стали двигаться по-новому осмотрительно.

В тишине мелко и часто постукивала система вентиляции.

Йона снова встал под турником, подпрыгнул, ухватился за перекладину и подтянулся.

Марко стоял у него за спиной, свесив жилистые, покрытые татуировками руки.

Виски сводило, когда Йона раз за разом подтягивался, поднимая подбородок над перекладиной.

– Это ты легавый? – спросил человек с костистым лицом.

Пылинка медленно опускалась сквозь стоячий воздух. Охранник по ту сторону стекла перекинулся словом с кем-то из заключенных и пошел к посту.

Йона продолжал подтягиваться.

– Еще тридцать, – распорядился Марко.

Человек с костистым лицом, не отрываясь, смотрел на Йону. Пот блестел над его верхней губой, стекал мимо ушей, по щекам.

– Убью тебя, суку, – сказал он и напряженно улыбнулся.

– *Nyt pelkään*¹, – спокойно ответил Йона и подтянулся еще раз.

– Ты понял? – ухмыльнулся мужчина. – Ты понял, что я тебе сказал?

Он будет целить низко, подумал Йона. Попытается ударить под ребро. Стеклом почти невозможно никого зарезать, но если кусок стекла обмотать скотчем, он может проткнуть кожу и органы, прежде чем сломается.

Несколько заключенных, не торопясь, собрались возле плексигласовой перегородки; в их взглядах сквозило жадное любопытство. Их движения выражали сдержанную энергию. Заключенные на первый взгляд случайно встали так, чтобы загорочить камеры.

– Ищейка, – прошипел тощий и посмотрел на других. – Вы знаете, что он легавый?

– Да ну? – улыбнулся один из зрителей и отпил из пластиковой бутылки.

На шее человека с потасканным лицом раскачивалась цепочка с крестом. Шрамы на внутренней стороне руки разъедены аскорбиновой кислотой, которую он использовал, чтобы растворять героиновую базу.

– Зуб даю, – подтвердил задира. – Он из уюловки, грязная свинья.

– Вот теперь понятно, почему все зовут его Легавым, – съязвил человек с пластиковой бутылкой и усмехнулся, глядя в пол.

Йона продолжал подтягиваться.

Рейнер Кронлид с невозмутимым лицом сидел на велотренажере. Взглядом стоячим, как у рептилии, он следил за развитием событий.

Один из албанцев ступил на беговую дорожку и побежал. Тесное помещение наполнилось стуком его ног и посвистыванием ленты.

Йона выпустил перекладину, мягко спрыгнул на пол и посмотрел на вооруженного.

– Ты позволишь предложить тебе несколько слов на подумать? – спросил Йона – приветливо, с неизменным финским акцентом. – Притворное неумение – дитя мудрости, иллюзорная слабость – дитя...

– Что ты несешь? – перебил мужчина.

После службы в десантных войсках Йону завербовали в Особую оперативную группу. В Нидерландах его обучали неконвенционному ближнему бою и применению инновационного оружия.

Лейтенант Ринус Адвокаат тренировал его для ситуаций, подобных этой. Йона точно знал, как отвести руку нападающего, нанести двойной удар крест-накрест по горлу и кадыку, вывернуть руку с осколком, ударить им в основание шеи и сломать острие.

– Заколи ищейку, – прошипел заключенный из “Братства” и рассмеялся. – Не посмеешь...

– Заткнись, – оборвал его мужчина помоложе.

– Заколи, – рассмеялся другой.

Заключенный с костистым лицом сжал осколок и начал приближаться; Йона взглянул ему в глаза.

Если его атакуют прямо сейчас, придется удержаться от того, чтобы провести серию движений, которые накрепко запомнило его тело.

¹ Уже боюсь (фин.).

Надо просто отвести руку нападающего, вывернуть, заставить выпустить оружие, а самого его бросить на пол.

Он сидел в тюрьме уже почти два года, и все это время ему удавалось держаться в стороне от драк; он собирался просто отбыть наказание и начать новую жизнь.

Йона повернулся спиной к человеку с заточкой.

Он обменялся несколькими словами с Марко, не спуская при этом глаз с задиры, все это время отражавшегося в окне, выходявшем во двор.

– Я мог бы убить легавого. – Новый заключенный быстро дышал узким носом.

– Нет, не мог бы, – сказал Марко через плечо Йоны.

Глава 15

Прошло двадцать три месяца с тех пор, как Стокгольмский суд первой инстанции приговорил комиссара Йону Линну к тюремному заключению за подготовку вооруженного побега заключенного. В наручниках, кандалах и специальном поясе его доставили в уголовный приемник пенитенциарного учреждения Кумла.

Доставившие Йону сотрудники ведомства проверили его скудные пожитки, постановление суда и удостоверение личности. Далее Йону препроводили в регистрационную, раздели, взяли анализ мочи на наркотики и выдали тюремную одежду, постельное белье и зубную щетку.

После расследования, длившегося пять недель, его поместили в отделение “Т” – вместо особого отделения в Салтвике, где обычно содержались осужденные полицейские. Йоне предстояло провести ближайшие несколько лет в камере в шесть квадратных метров, с пластиковым полом, раковиной и маленьким окном с панцирным стеклом и решеткой.

Первые восемь месяцев Йона работал вместе с остальными заключенными в большой прачечной. Он познакомился со многими из своего отделения, рассказывал каждому о своей работе в уголовной полиции, о суде и приговоре. Он знал, что сохранить прошлое в тайне ему не удастся. Когда в отделении появлялся новый заключенный, остальные очень быстро устраивали так, чтобы приговор становился известен.

Йона спокойно относился к большинству группировок в отделении, но держался на расстоянии от “Братства” и его главаря, Рейнера Кронлида. “Братство” было связано с крайними экстремистскими группировками, занималось крышеванием и торговлей наркотиками в больших тюрьмах.

После лета Йона собрал вокруг себя девятнадцать других заключенных, которые хотели учиться дальше. Они образовали кружок и поддерживали друг друга. За все время обучение бросили всего двое.

Из-за однообразных рутин тюрьма ощущалась как какой-то медлительный механизм. Одинаковые двери камер открывались в восемь утра и запирались в восемь вечера. Каждое деление циферблата, по которому прыгала стрелка, уносило еще одну частицу жизни.

Едва утром жужжал автоматический замок, Йона выходил из камеры, принимал душ и завтракал. Потом все отделение спускалось в ледяной кульверт, который, словно канализационная система, соединял разные отделения тюрьмы.

Заключенные проходили перекресток с закрытым киоском, ждали, пока откроются двери, шли по кульверту дальше.

Ребята из Мальмё кончиками пальцев суеверно крестились на настенное изображение Златана Ибрагимовича, после чего скрывались в направлении мастерской, где работали с порошковой лакировкой.

А группа тех, кто учился, направлялась в библиотеку. Йона прошел уже половину курса – он учился на садовода, а Марко наконец освоил курс гимназии. Подбородок у него дрожал, когда он сообщил, что дальше собирается заняться естественными науками.

Этот день мог оказаться одним из череды однообразных тюремных дней. Но для Йоны он не был таким – сегодня Йона встречался с Валерией де Кастро, и после этой встречи его жизнь сделала неожиданный и опасный поворот.

На стол в комнате для посетителей Йона поставил кофейные чашки и десертные тарелки, разгладил заломившуюся салфетку и включил кофеварку на маленькой кухне.

Услышав, как звенят ключи по ту сторону двери, он поднялся со стула, чувствуя, как забилося сердце.

На Валерии была темно-синяя блуза в белый горошек и черные джинсы. Собранные в хвост темно-русые локоны вились мягким серпантинном.

Она вошла, остановилась перед ним, подняла глаза.

Дверь закрылась, повернулся замок.

Они долго стояли и смотрели друг на друга, прежде чем прошептали друг другу “здравствуй”.

– Мне до сих пор странно, когда я вижу тебя, – сказала Валерия с былой робостью в голосе.

Она смотрела на Йону блестящими глазами; взгляд прошелся по обуви с тюремной отметкой, по серо-голубой футболке с песочного цвета рукавами и по вытертым коленкам мешковатых штанов.

– Угощение у меня скудное, – сказал Йона. – Вот, печенье с джемом и кофе.

– Печенье с джемом, – кивнула она и немного поддернула джинсы, прежде чем сесть на стул.

– Довольно вкусное, – улыбнулся он, и ямочки на щеках стали заметнее.

– Откуда в тебе столько очарования?

– Это все из-за одежды, – пошутил Йона.

– Ну да, – рассмеялась она.

– Спасибо за письмо, оно пришло вчера. – Йона сел по другую сторону стола.

– Прости, что я так осмелела, – пробормотала Валерия, покраснев.

Йона улыбнулся. Валерия тоже широко улыбнулась, глядя в стол, потом снова подняла взгляд.

– Но какая гадость, что тебе отказали в увольнении... кстати, – сказала Валерия и снова улыбнулась так, что подбородок пошел складками.

– Через три месяца сделаю новую попытку... а иначе – подам заявление о разрешении вентиляционного отверстия, – пояснил Йона.

– Все получится, – кивнула она и погладила его руку, лежавшую на столе.

– Вчера я разговаривал с Люми. Она как раз прочтала “Преступление и наказание”, по-французски... было весело, мы просто говорили о книгах, я и забыл, где нахожусь... пока разговор не закончился.

– Не припомню, чтобы ты раньше был таким разговорчивым.

– Но если разделить продолжительность телефонного разговора на две недели, то получится всего пара слов в час.

Локон упал на шею, и Валерия отбросила его движением головы. Кожа у нее имела оттенок припудренной меди, в уголках глаз залегли глубокие морщинки – от смеха. Тонкая кожа под глазами была серой, под ногтями застряли крупинцы земли.

– Раньше можно было заказать выпечку из кондитерской. – Йона разлил кофе по чашкам.

– Пока тебя не выпустили, мне надо блюсти фигуру, – ответила она, положив руки на живот.

– Ты красивее, чем всегда.

– Видел бы ты меня вчера, – рассмеялась Валерия; длинные пальцы коснулись эмалевой ромашки на цепочке, висевшей у нее на шее. – Я была в Салтшёбадене, где открытый бассейн, ползала там под дождем, готовила поверхности для посадок.

– Токийские вишни, верно?

– Я выбрала сорт с белыми цветками, тысячи, просто невероятно... в мае словно снежная метель обрушивается на это деревце.

Йона посмотрел на чашки, на голубые салфетки. Свет из окна ложился на стол широкими полосами.

- Кстати, как продвигается обучение? – спросила Валерия.
- Не так легко.
- Странное это ощущение – переучиваться? – Она сложила салфетку.
- По-хорошему странное.
- Но ты уверен, что не хочешь назад, в полицию?

Йона кивнул и перевел взгляд на окно. Между поперечными прутьями решетки виделось грязное стекло. Спинка стула скрипнула, когда Йона откинулся назад, погружившись в воспоминания о последней зиме в Наттаваара.

- О чем ты думаешь? – серьезно спросила Валерия.
- Ни о чем, – тихо ответил он.
- Ты подумал о Сууме, – просто сказала она.
- Нет.
- Когда я сказала про метель.

Йона взглянул в ее янтарные глаза и кивнул. У нее была удивительная способность почти читать его мысли.

– Нет ничего тише снега, когда ветер улегся, – сказал он. – Знаешь... мы с Люми сидели рядом с ней, держали ее руки...

Йона подумал об удивительном спокойствии, которое сошло на его жену перед смертью, и о последовавшей за ним неподвижности.

Валерия потянулась через стол и погладила его по щеке, ничего не говоря. Татуировка на правом плече просвечивала через тонкую ткань блузы.

- Мы справимся, верно? – тихо сказала она.
- Справимся, – кивнул он.
- И ты не разобьешь мне сердце, Йона?
- Нет.

Глава 16

Йона еще ощущал сладостную радость после визита Валерии. Валерия словно каждый раз приносила с собой немного жизни.

В камере было совсем тесно, но если встать между письменным столом и умывальником, то места оставалось как раз для боя с тенью и отработывания боевых техник. Йона двигался медленно, упруго, думая о бесконечных плоских полях Голландии, где он получал образование.

Йона не знал, сколько времени он тренировался, но небо стало таким темным, что померкла желтая стена за окном. Тут щелкнул замок, и дверь камеры отворилась.

Двое надзирателей, которых он раньше не видел, стояли в проеме, напряженно глядя на него.

Йона подумал, что это обыск, что-то случилось – может быть, попытка побега, которую они связали с ним.

– К тебе адвокат защиты, – объявил один из надзирателей.

– Зачем?

Не отвечая, охранники защелкнули на нем наручники и вывели из камеры.

– Я не просил о встрече с адвокатом, – сказал Йона.

Все вместе они спустились по лестнице и двинулись по длинному коридору. Мимо бесшумно проехал надзиратель на самокате и скрылся.

Йона подумал: наверное, выяснилось, что Валерия, приходя к нему, пользовалась документами сестры. У нее самой в прошлом был тюремный срок, и ей не разрешили бы посещения, поэтому они с ней придумали такой выход.

На стенах сменились цветовая гамма и стиль. На границе светового круга виднелся грубый бетон.

Надзиратели провели Йону через бронированные двери и шлюзы. Несколько раз им пришлось предъявлять документы, дающие право сопровождать заключенного. Зажужжал замок, и они прошли глубже, в отделение, незнакомое Йоне. В дальнем конце коридора несли вахту у двери двое мужчин.

Йона сразу узнал телохранителей из службы безопасности. Не глядя ему в глаза, они открыли перед ним дверь.

В полутемной комнате не было мебели, за исключением двух пластмассовых стульев. На одном из них кто-то сидел.

Йона остановился посреди комнаты.

Свет потолочной лампы не достигал лица сидящего, но под него попадали стрелки брюк и черные ботинки с испачканными жидкой грязью носами.

В правой руке сидящего что-то поблескивало.

Когда дверь за Йоной закрылась, человек поднялся, сделал шаг в свет лампы и сунул очки для чтения в нагрудный карман.

Только теперь Йона разглядел его лицо.

Перед ним стоял премьер-министр Швеции.

Под глазами министра залегла чернота, тень острого носа падала на рот, словно прочерченная карандашом.

– Этой встречи не было, – предупредил министр характерным хриплым голосом. – Я вас не видел, вы меня не видели. Что бы ни случилось – говорите, что встречались со своим адвокатом.

– Ваш водитель не курит, – заметил Йона.

– Верно, – удивленно подтвердил министр.

Его рука потерянно тронула узел галстука, прежде чем министр продолжил.

– Накануне ночью убили министра иностранных дел. В его доме. Прессе будет объявлено, что он скончался после короткой болезни, но на самом деле речь о террористическом акте.

Нос министра блестел от пота, мешки под глазами были темными. Кожаный ремешок с тревожной кнопкой скользнул по запястью, когда министр подвинул Йоне стул.

– Господин Линна, – объявил он, – я приехал сюда с очень необычным предложением, предложением, которое действует только здесь и сейчас.

– Я слушаю.

– Одного заключенного из тюрьмы Халль перевезут в Кумлу и поместят в ваше отделение. Заключенного зовут Салим Рачен, он осужден за преступления, связанные с наркотиками, но обвинения в убийстве с него сняты... Судя по всему, он занимает центральное положение... может быть, даже управляет террористами, которые убили министра иностранных дел.

– У вас есть отчет?

– Естественно. – Премьер-министр протянул Йоне тонкую папку.

Йона уселся и взял папку скованными руками. Спинка стула скрипнула, когда он откинулся назад. Читая, он заметил, что министр через короткие промежутки времени поглядывает на экран своего телефона.

Йона прочитал отчет об осмотре места преступления, лабораторный отчет и допрос свидетельницы, которая упомянула, что слышала, как преступник сказал: Рачен открыл двери в преисподнюю. Отчет заканчивался таблицей с прослушиванием переговоров шейха Айяда аль-Джахиза, где тот обещал разыскать западных лидеров и расстрелять их лица.

– Очень много пустот, – заметил Йона, возвращая папку.

– Это только первый отчет, здесь не хватает результатов анализов и...

– Намеренных пустот, – перебил Йона.

– Об этом я ничего не знаю. – Премьер-министр сунул телефон во внутренний карман.

– Есть еще жертвы?

– Нет.

– Признаки того, что планировались еще покушения?

– Вряд ли.

– Почему именно министр иностранных дел?

– Он участвовал в европейской программе против терроризма.

– Чего добились злоумышленники, убив его?

– Убийство министра – удар в самое сердце демократии. И я хочу видеть головы террористов на блюде, простите за выражение... Речь о справедливости, о том, чтобы настоять на своем... Они не могут, не смеют пугать нас... Я приехал сюда спросить вас: готовы ли вы внедриться в организацию Салима Рачена в тюрьме?

– Я все понимаю и благодарю за доверие, но поймите, я создал себе здесь сносное существование. Это было нелегко, здесь знают мое прошлое, но со временем люди поняли, что мне можно доверять.

– Мы говорим о безопасности государства.

– Я больше не полицейский.

– Служба безопасности устроит так, что тюремное заключение заменят вам на условное освобождение, если вы согласитесь выполнить задание.

– Мне это не интересно.

– Она думала, что именно так вы и ответите, – сказал премьер-министр.

– Сага Бауэр?

– Она сказала, что вы не станете слушать предложений от службы... поэтому я приехал сам.

– Я подумал бы над вашим предложением, если бы не знал, что вы утаили от меня ключевые данные.

– Какие именно? Служба полагает, что вы поможете им выйти на контакты Рачена за пределами тюрьмы.

– Мне жаль, что из-за меня вы впустую приехали сюда. – Йона встал и направился к двери.

– Я могу добиться помилования для вас, – сказал министр ему в спину.

– На это требуется решение правительства. – Йона обернулся.

– Я премьер-министр.

– Но если мне не дадут всю имеющуюся на данный момент информацию, я буду вынужден отказаться, – повторил Йона.

– Как вы можете утверждать, что знаете то, чего не знаете? – Премьер-министр не скрывал раздражения.

– Я вижу вас здесь, хотя вы должны были бы лететь в Брюссель на встречу Европейского совета, – сказал Йона. – Я читал, что вы бросили курить восемь лет назад, но сейчас сделали шаг назад, судя по запаху от вашей одежды и по испачканным ботинкам.

– Испачканным ботинкам?..

– Вы человек деликатный, и так как ваш шофер не курит, то вы курили, выйдя из машины, на обочине.

– Но...

– Я видел, что вы смотрели в телефон одиннадцать раз, но не отвечали на сообщения... Поэтому я понял, что чего-то не хватает, ведь в рапорте, который я прочитал, нет ничего, что требовало бы такой спешки.

Премьер-министру, кажется, впервые нечего было ответить. Он провел рукой по подбородку, взвешивая все “за” и “против”.

– Возможно, речь идет о нескольких запланированных убийствах, – сказал он наконец.

– О нескольких? – переспросил Йона.

– Служба вычеркнула это из отчета, но, кажется, вначале планировались три убийства... и следующее – уже в среду... Отсюда такая спешка.

– На кого будет направлено следующее покушение?

– Мы не знаем, понятия не имеем, но, судя по имеющейся информации, планируется именно показательная казнь.

– Потенциальные жертвы – политики?

– Вероятно.

– Вы полагаете, что одним из них можете оказаться вы, так? – спросил Йона.

– Это к делу не относится, жертвой может оказаться кто угодно, – быстро ответил министр. – Но, так как я понял, что лучше вас нам никого не найти, я хочу услышать, что вы принимаете предложение... Если вы добудете информацию, при помощи которой можно будет остановить террористов, я прослежу за тем, чтобы вам вернули жизнь.

– Не все в ваших силах.

– Послушайте, вы должны! – сказал премьер-министр, и по его голосу Йона понял, что тот серьезно напуган.

– Если вы сможете заставить службу сотрудничать со мной всерьез, то... обещаю найти виновных.

– Но необходимо найти их до среды, вы понимаете... следующего человека убьют в среду, – прошептал премьер-министр.

Глава 17

Охотник на кроликов беспокойно ходил вокруг огромного контейнера в косом свете люминесцентной лампы. Стук шагов по металлическому полу умножался, отдаваясь от стен.

Охотник на кроликов остановился перед порванными коробками для переезда и большой канистрой с бензином, прижал пальцы левой руки к левому виску и попытался дышать спокойнее.

Посмотрел в телефон.

Ни одного сообщения. Ничего.

Возвращаясь к оборудованию, он наступил на заламинированную карту Юрскольмена, лежавшую на железном полу.

На исцарапанном столе громоздились старые и новые пистолеты, ножи и разобранные винтовки. Некоторые были грязными и потертыми, но кое-какие еще не вынуты из упаковки.

Вокруг был настоящий хаос из ржавых инструментов и старых банок из-под варенья, набитых пружинами и бойками, дополнительных магазинов, мотков черных мусорных мешков, серебристого скотча, пакетов с блестящими кабельными хомутами, топоров и эмерсоновских ножей с широкими лезвиями и остриями, заточенными, как стрелы.

К стене он составил коробки с боеприпасами. На трех коробках лежали три фотографии трех человек.

Многие картонки оставались запечатаны, но с коробки с 5,56x45-миллиметровыми патронами была сорвана крышка, а на другой виднелись кровавые отпечатки пальцев.

Охотник на кроликов положил коробочку с девятимиллиметровыми пистолетными боеприпасами в мятый пластиковый пакет из “Ика-Макси”, топорик с коротким топоричком положил туда же и опустил громко звякнувший пакет на пол.

Протянув руку, Охотник на кроликов взял небольшую фотографию и поставил ее на край поперечной стальной планки с внутренней стороны контейнера. Фотография тут же упала.

Охотник осторожно поставил ее снова и, улыбаясь, посмотрел на лицо, на довольный рот, взлохмаченные волосы и просвечивающие уши. Наклонился, посмотрел в глаза этому человеку, подумал, что отрубит ему ноги и будет смотреть, как тот ползет, оставляя кровавый след, словно огромная улитка.

А еще он станет наблюдать за растерянными попытками сына перевязать ноги, чтобы спасти отца; может быть, он позволит сыну перекрыть кровавый поток, прежде чем подойдет и вспорет живот.

Фотография опять упала и, кружась, легла на оружие.

Охотник вскрикнул и перевернул стол; пистолеты, ножи и боеприпасы с лязгом полетели на пол.

Стеклянные банки разбились, осколки и детали разбросало по полу.

Охотник на кроликов, тяжело дыша, оперся о стену и вспомнил вдруг старый промышленный район, расположенный между шоссе и станцией по переработке сточных вод. Офсетная типография и склад сгорели дотла, и пространство под хутором было изрыто кроличьими норами.

Когда он в первый раз проверил силок, в петлях висели с десятков зверьков; кролики были вялые, но еще живые, когда он сдирал с них шкурки.

Охотник успокоился и снова стал собран. Нельзя поддаваться гневу, нельзя показывать неправильное лицо, даже когда ты в одиночестве.

Пора идти.

Он облизал губы, подобрал с пола нож и два пистолета – “Спрингфилд Оператор” и запачканный грязью “Глок-19”, сунул в пакет еще одну упаковку патронов и четыре дополнительных магазина.

Охотник на кроликов протянул к лампе провод от автомобильного аккумулятора и вышел в прохладный ночной воздух, закрыл дверь контейнера, заложил ее засовом и повесил амбарный замок, после чего прошел через высокие сорняки к машине. Когда он открыл багажник, поднялась целая туча мух. Мужчина бросил мешок с оружием рядом с мусорным пакетом с гнилым мясом, закрыл багажник и повернулся к лесу.

Бросил взгляд между высоких стволов, думая о лице с маленькой фотографии и пытаясь изгнать из головы считалку.

Глава 18

В помещении Армии спасения, в доме номер шестьдесят девять по Эстермальмсгатан, проходило закрытое собрание. Двенадцать человек составили три небольших стола в один длинный и теперь сидели так близко друг к другу, что видели усталость и печаль на лицах соседей. Дневной свет лежал на мебели светлого дерева и на коврике с изображением детей, удящих рыбу.

За одним торцом сидел в шитом на заказ пиджаке и в кожаных брюках Рекс Мюллер. Рексу было пятьдесят два года; несмотря на лоб в морщинах и отеки под глазами, выглядел он неплохо.

Поставив кофейную чашку на блюдце, он провел рукой по волосам, и все посмотрели на него.

– Меня зовут Рекс, и я обычно сижу молча, – начал он, беспокойно улыбаясь. – Если честно, я не знаю, что вы хотите от меня услышать.

– Расскажи, почему ты здесь, – попросила женщина с печальными морщинками у рта.

– Я неплохо готовлю, – продолжил Рекс и откашлялся. – У меня такая профессия, что нужно пробовать вино, пиво, виноградный дистиллят, спирт, ликеры и так далее... Я не алкоголик, я, может быть, многовато пью, иногда делаю глупости, хотя не стоит верить всему, что пишут в газетных заголовках.

Он сделал паузу и, улыбаясь, прищурился на слушателей, но те молча ждали продолжения.

– Я здесь потому, что этого потребовал мой работодатель, если я хочу сохранить работу... а мне нравится моя работа.

Рекс надеялся, что они засмеются, но все молча смотрели на него.

– У меня есть сын, уже взрослый, последний год в гимназии... И одно из моих самых больших сожалений в жизни – это что я не был хорошим папой, я вообще не был папой. Я приходил на дни рождения и прочее, но... на самом деле я не хотел детей, не созрел еще в те годы...

Голос у него оборвался посреди фразы. К своему удивлению Рекс почувствовал слезы на глазах.

– Ну ладно, я идиот, вы это, наверное, уже поняли, – тихо сказал он и глубоко вздохнул. – Так что... Моя бывшая... она потрясающая, немногие говорят так о своих бывших, но Вероника – потрясающая... Сейчас она прошла тщательный отбор в ЮНИСЕФ, большой проект по бесплатной медицинской помощи в Сьерра-Лионе, но собиралась вежливо отказаться. Как всегда.

Рекс криво улыбнулся собравшимся.

– Она создана для этой работы... да, так я говорил, что пытаюсь быть трезвенником и что Самми будет жить со мной те недели, пока Вероники нет... поскольку я хожу на ваши встречи, она думает, я стал ответственным, и сейчас она с первой волной волонтеров едет во Фритаун.

Рекс снова провел рукой по торчащим во все стороны черным волосам и подался вперед.

– Самми воспринял все довольно неоднозначно, это, естественно, моя ошибка, у него жизнь совсем не такая, как у меня... У меня нет иллюзий, что я сумею починить отношения. Но я, честно сказать, с нетерпением жду, когда смогу узнать его получше.

– Спасибо, что ты поделился с нами своей историей, – вполголоса сказала женщина.

Рекс Мюллер уже два года был телеповаром в популярной утренней передаче на Четвертом канале. Он взял “серебро” в конкурсе “*Bocus d’Or*”, сотрудничал с Магнусом Нильссоном из “Фэвикен Магасинет”, выпустил три кулинарные книги и осенью подписал многообещающий контракт с ресторанной группой “Ф12” на должность шеф-повара ресторана “Смак”.

После трех часов в новом ресторане он передал дела соус-шефу Элисе, надел костюм и белую рубашку, явился на церемонию открытия нового отеля на Хётorget, сфотографировался с музыкальным продюсером Ависии, после чего сел в такси до Даларё, чтобы встретиться со своим самым близким партнером.

Давиду Джордану Андерсену – или Диджею, как все его звали, – было тридцать три года; он начал раскрутку своего предприятия с того, что купил телевизионные права на стряпню Рекса. За три года он сделал Рекса, который и без того был одним из лучших поваров Швеции, настоящей знаменитостью.

За это время они успели стать друзьями и много общались частным образом.

Рекс влетел в ресторан “Даларё-Странд Отеля”, пожал руку Диджею и уселся напротив него.

– Я думал, Лира тоже придет, – сказал Рекс.

– У нее встреча с друзьями из Колледжа искусств.

Диджей был похож на современного викинга: светлая ухоженная борода, голубые глаза.

– Она думает, что со мной в последнее время нелегко? – спросил Рекс, наморщив лоб.

– С тобой *было* нелегко в последнее время, – честно признался Диджей. – При посещении ресторана необязательно каждый раз читать лекции повару.

– Это была шутка!

Официант принес закуски и задержался у столика; покраснев, он спросил, не даст ли Рекс автограф персоналу кухни.

– Смотря как тут готовят. – Рекс посерьезнел. – Не потерплю, если окажется, что лимонный соус отдает леденцами.

Официант с беспокойной улыбкой стоял у стола, пока Рекс брал нож и вилку и отрезал кусочек приготовленной на гриле спаржи.

– Спокойней. – Диджей погладил светлую бороду.

Рекс макнул кусок копченого лосося в лимонно-сливочный соус, втянул носом аромат, положил в рот и сосредоточенно пожевал, после чего взял ручку и написал на обороте меню: “*Мои наилучшие пожелания великолепным поварам из “Даларё-Странд Отеля”. Искренне ваш – Рекс*”.

Официант сказал “спасибо” и поспешил на кухню, не сдерживая улыбки.

– Настолько вкусно? – тихо спросил Диджей.

– Съедобно.

Диджей перегнулся через стол, налил ему воды, пододвинул корзиночку с хлебом. Рекс отпил и поглядел в окно: большая парусная яхта, скользя по воде, выходила из гостевой гавани в открытое море.

Перед ними поставили тарелки с жареной салакой, пассерованным красным луком и картофельным пюре.

– Ты подумал? Сможешь в следующие выходные? – осторожно спросил Диджей.

– Тогда мы и встречаемся с инвесторами?

Уже больше года Диджей и его команда работали над тем, чтобы принять первые партии кухонного оборудования в серии, к которой приложил руку Рекс.

Речь шла о весьма качественном оборудовании, сдержанном по дизайну и доступном по цене. Любой может стать королем на кухне – “*Rex of Kitchen*”.

– Съедем что-нибудь вкусное, пообщаемся... очень важно, чтобы они чувствовали себя избранными, – пояснил Диджей.

Рекс кивнул, отрезал кусочек салаки, пожевал, потянулся через стол и взял холодный пивной бокал Диджея.

– Рекс?

– Кто знает, – Рекс подмигнул.

– Не делай этого, – спокойно попросил Диджей.

– Ну хоть ты не начинай, – улыбнулся Рекс и поставил бокал на место. – Я не пью, но это все же смешно... все просто решили, что у меня проблемы, а меня не спросили.

Они доели, расплатились и спустились к гостиничному причалу, где стоял спортивный катер Диджея – поцарапанный “*Sea Ray Sundancer*”.

Вечер был теплым и невероятно красивым, вода спокойной. Солнце уже заходило, и прозрачные облака стали золотисто-желтыми.

Друзья отвязали канат и медленно отплыли от причала, покачались на мелкой прибойной волне от другого катера и осторожно пошли через залив. Вдоль левого борта карабкались по склону изящные деревянные замки с застекленными верандами, отражавшими вечернее небо.

– Как мама? – спросил Рекс, ставя белое кожаное кресло рядом с Диджеем.

– Вообще получше. – Диджей немного увеличил скорость. – Врачи пробуют новое лекарство, и сейчас она чувствует себя неплохо.

Его голос потонул в реве мотора, когда они вышли на открытую воду. Белая пена рвалась из-под кормы, нос поднялся, винт резал волны. Скорость еще возросла; через пару секунд катер перешел в планирование и понесся по воде.

Рекс поднялся, достал из-за кресел водные лыжи и принялся пристегивать их.

– Ты не снимешь костюм? – прокричал Диджей.

– Что?

– Промокнешь!

– Я не упаду! – крикнул Рекс в ответ.

Раскручивая трос с петлей, он почувствовал, что во внутреннем кармане вибрирует телефон. Звонил Самми, и Рекс жестом попросил Диджея сбавить скорость.

– Алло?

Фоном слышались музыка и голоса.

– Привет, папа, – сказал Самми слишком близко к трубке. – Я только хотел спросить, что ты делаешь сегодня вечером?

– Где ты?

– На вечеринке, но...

Прибойная волна от прошедшей мимо большой яхты заставила Рекса пошатнуться. Он потерял равновесие и сел на белые кожаные подушки.

– Тебе там весело? – спросил он.

– Что?

– Мы с Диджеем на Даларё, но вчера я приготовил на гриле морской язык, в холодильнике еще осталось... можешь съесть холодным, можешь разогреть в духовке.

– Не слышу, – рассмеялся Сммми.

– Я вернусь не поздно, – попробовал докричаться Рекс.

Где-то за Самми загрела музыка, прямо в трубку загрохотал бас, что-то весело прокричала женщина.

– Увидимся вечером, – сказал Рекс, но разговор уже прервался.

Глава 19

Поздно ночью такси свернуло на Ренсгатан и остановилось перед блестящей деревянной дверью подъезда. Рекс одолжил у Диджея сухую одежду; мокрый костюм он вез в черном мусорном мешке. Рано утром у него запись на телевидении, надо поспать несколько часов.

Рекс вошел в подъезд и, трясаясь от холода, нажал кнопку лифта. Ничего. Рекс поднял голову и заглянул в шахту. Лифт стоял на пятом этаже. Вверху что-то постукивало и скреблось. Качались тросы. Рекс подумал, что кто-то переезжает посреди ночи.

Он подождал еще немного и пошел вверх по лестнице пешком, неся на спине мешок с мокрой одеждой, словно Дед Мороз.

На полпути он услышал, как лифт со скрипом пришел в движение. На третьем этаже кабина проплыла мимо Рекса, и через решетку стало видно, что лифт пуст.

Рекс добрался до верхнего этажа, поставил мешок и перевел дыхание. Он поворачивал ключ в замке, когда лифт снова поднялся и остановился на его этаже.

– Самми?

Двери разъехались, но в кабине оказалось пусто. Наверное, кто-то нажал кнопку шестого этажа и вышел из лифта.

Рекс прошел по квартире, не зажигая свет, собираясь посмотреть, не осталось ли морского языка после ужина Самми. Деревянный пол в темноте отливал серебром, через стеклянную дверь лоджии Рекс видел, как разгорается жаровня городского света.

Рекс открыл холодильник и только успел убедиться, что Самми не притронулся к рыбе, как зазвонил телефон.

– Рекс, – хрипло сказал Рекс.

В трубке что-то зашуршало. На заднем плане гудела тяжелая музыка, кто-то застонал. Послышался шепот:

– Папа?

– Самми? Я думал, ты уже дома.

– Мне нехорошо, – пробормотал сын.

– Что случилось? Что с тобой?

– Я кое-что потерял, и Нико обозлился на меня... Не знаю... Ну хватит же! – сказал он кому-то по ту сторону телефона.

– Самми, что у тебя там?

Рекс не расслышал ответа, голос сына потонул в шуме. Разбилась тарелка, какой-то мужчина на кого-то заорал.

– Самми, скажи, где ты. Я приеду и заберу тебя.

– Не нужно...

Снова что-то грохнуло, словно Самми уронил телефон на пол.

– Самми! – крикнул Рекс. – Говори, где ты!

Что-то громко затрещало, потом Рекс услышал, как кто-то поднял телефон.

– Приезжай и забери своего желторотого, пока он мне не надоел, – произнес глубокий женский голос.

С тяжело колотящимся сердцем Рекс записал адрес, вызвал такси и бегом кинулся вниз по лестнице. Выйдя на холодный воздух, он еще раз позвонил Самми, но ответа не получил. До приезда такси он успел сделать с десяток попыток.

Адрес, который он получил от женщины, привел его в Эстермальм, самый фешенебельный район Стокгольма. Однако нужный дом на Коммендёрсгатан оказался обшарпанным строением восьмидесятых годов.

На нижнем этаже через дверь пробивалась музыка. На куске липкой ленты над почтовой щелью было написано: “Побольше рекламы, пожалуйста”.

Рекс нажал кнопку звонка, потрогал ручку, потянул дверь и заглянул в маленькую прихожую с кучей обуви на полу. Между стенами гудела тяжелая музыка. Пахло сигаретным дымом и разлитым красным вином. На вытертом паркете – сваленная в кучу верхняя одежда. Рекс прошел в темную кухню и огляделся. На поцарапанной мойке теснятся пустые бутылки. Раковину переполняют фарфор и импровизированные пепельницы, там же торчит кастрюля с засохшими остатками фасоли.

Одетый в черное и накрашенный мужчина, сидя на полу кухни, пил что-то из пластиковой бутылки. Молодая женщина в джинсовых шортах и розовом лифчике, пошатываясь, подошла к мойке, открыла верхний шкафчик и вынула оттуда бокал. Сигарета в ее сжатых губах подрагивала, пока она сосредоточенно наливала вино из пакета.

Рекс протиснулся к ней и увидел, как она стряхивает пепел в грязную тарелку. Женщина, глядя ему в глаза, выпустила из носа долгую струю дыма.

– Слушай, повар, ты не приготовишь омлет? – улыбнулась она. – Умираю, хочу омлета.

– Вы знаете, где Самми? – спросил Рекс.

– Думаю, что я знаю примерно все. – Женщина вручила ему бокал с вином.

– Он еще здесь?

Женщина кивнула и достала из шкафчика еще один бокал. Черная кошка запрыгнула на мойку и принялась слизывать остатки чего-то с кухонного ножа.

– Я хочу переспать со знаменитостью, – пошутила женщина и фыркнула.

Рекс отодвинул стул, чтобы пройти мимо стола, и почувствовал, как женщина обняла его за пояс. От тяжести ее тела Рекс качнулся вперед.

– Пойдем разбудим Лену и устроим треугольник, – промурлыкала женщина и прижалась подбородком к его спине.

Рекс поставил бокал на стол, снял с себя руки женщины и посмотрел в ее пьяное улыбающееся лицо.

– Я приехал, только чтобы забрать своего сына, – объяснил он и перевел взгляд на комнату, где стоял телевизор.

– Ну я пошутила насчет второй. Мне не нужен секс, мне нужна любовь. – Женщина отпустила его.

– Вам бы лучше домой.

Рекс протиснулся между детским стульчиком и сложенной раскладушкой. Два бокала позванивали друг о друга в такт музыке. Проходя дальше, в комнату с телевизором, он услышал, как женщина бормочет: “Хочу папу”.

На диване в шотландскую клетку сидел мужчина с длинными седыми волосами; он помогал какому-то молодому человеку вдохнуть кокаин. Кто-то вытащил коробку с елочными гирляндами. Вдоль стены лежали матрасы. Могучий мужчина в расстегнутых брюках сидел, привалившись спиной к стене, и пощипывал струны акустической гитары.

Рекс попал в узкий коридор с длинными царапинами на полу. Бросил взгляд в спальню, где какая-то женщина спала в одних трусах, прикрыв лицо рукой в татуировках.

На кухне рассмеялся и прокричал что-то неизвестный Рексу мужчина.

Рекс остановился и прислушался. Совсем близко слышались стуки и вздохи. Он заглянул в спальню, попал взглядом женщине между ног, отвернулся.

Слабый свет лежал на полу возле ванной.

Дверь была приоткрыта.

Рекс шагнул в сторону, увидел швабру в ведре, прислоненную к стиральной машине.

Снова послышались вздохи; Рекс подошел к ванной, протянул руку, осторожно потянул дверь. Его сын стоял на коленях перед каким-то мужчиной с широким носом и глубо-

кими морщинами возле полуоткрытого рта. Лицо Самми блестело от пота, тушь размазалась. Одной рукой он взял вставший пенис мужчины и направил себе в рот. Серьга с черной жемчужиной раскачивалась у щеки.

Рекс подался назад, одновременно видя, как мужчина схватил Самми за осветленные волосы.

Из холла донесся плач.

Рекс отвернулся, пошел в комнату с телевизором и попытался успокоить дыхание; в нем бушевали самые разные чувства.

– Господи, – вздохнул он и попытался улыбнуться своей реакции.

Вполне совершеннолетний Самми, как было известно Рексу, не желал определяться сексуально – и все же Рекс страшно смутился, случайно став свидетелем интимной ситуации.

На клетчатом диване мужчина с длинными серыми волосами сунул руку под футболку юноши.

Рексу пора было домой, спать; он выждал несколько секунд, провел рукой по губам и снова приблизился к ванной.

– Самми? – крикнул он, подходя. – Самми!

В ванной что-то упало и, звеня, закрутилось в раковине. Рекс еще немного подождал, снова позвал сына.

Через мгновение дверь открылась, и вышел Самми в криво сидящих брюках и расстегнутой цветастой блузе. Он опирался рукой о стену. Веки были тяжелыми, взгляд бессмысленным.

– Что ты здесь делаешь? – вяло пробормотал он.

– Ты мне звонил.

Самми поднял на него глаза, но, кажется, слов Рекса не понял. Под глазами залегли черные круги, зрачки расширены.

– Какого хрена там происходит? – крикнул мужчина из ванной.

– Я сейчас... Мне только...

Самми пошатнулся и почти потерял равновесие...

– Пошли домой, – сказал Рекс.

– Мне нужно назад, к Нико, он рассердится...

– Поговоришь с ним завтра.

– Что? Что ты сказал?

– Я знаю, что у тебя своя собственная жизнь, я не пытаюсь играть в папу. Могу оставить тебе деньги на такси, если хочешь еще побыть здесь. – Рекс старался, чтобы его голос звучал мягко.

– Я... Мне надо поспать.

Рекс снял куртку, накинул сыну на плечи и повел его прочь из квартиры.

Когда они вышли на улицу, небо начало светлеть, зачирикали птицы. Самми двигался медленно и пугающе вяло.

– Ты держишься на ногах? Не упадешь, пока я вызываю машину? – спросил Рекс.

Сын кивнул и тяжело привалился к фасаду дома. Его лицо сильно побледнело, он сунул пальцы в рот и наклонился вперед.

– Я... я...

– Может, просто попытаемся прожить вместе эти три недели? – предложил Рекс.

– Что?

Самми сглотнул, снова сунул пальцы в рот; кажется, его мучительно тошнило.

– Самми, что с тобой?

Сын поднял лицо и с усилием втянул в себя воздух; глаза у него закатились, потом он рухнул на тротуар и ударился головой о распределительную тумбу.

– Самми! – закричал Рекс и попытался помочь ему встать.

У мальчика из головы шла кровь, глаза скосились под полузакрытыми веками.

– Посмотри на меня, – позвал Рекс, но сын не отзывался, его тело обмякло.

Рекс положил его на землю, прижал ухо к его груди, услышал, как быстро бьется сердце, но дыхание при этом было замедленным.

– Господи боже. – Рекс схватил телефон и трясущимися пальцами набрал номер “скорой”.

– Не умирай, тебе нельзя умирать, – шептал он, слушая гудки.

Глава 20

От телефонного звонка Рекс дернулся так, что ушиб руку о жесткий подлокотник скамейки. Он встал, вытер рот. Небо за окном больницы было бледным, словно бумага для выпечки. Он, наверное, задремал. Одолженная куртка лежала свернутой, как подушка.

Он не знал, как долго Самми делали промывание желудка. Снова и снова желудок наполняли водой через зонд и вытягивали содержимое большим шприцем. Самми слабо водил руками, пытаясь отодвинуть шланг, и стонал, когда жидкость, смешанная с красным вином и остатками таблеток, выливалась из него в пластиковый пакет над полом.

Телефон продолжал звонить; Рекс поднял куртку, и телефон выскользнул из кармана, ударился о скамейку и исчез на полу.

Рекс полез за ним и, стоя на четвереньках, прошептал в трубку:

– Алло.

– Рекс, – тяжело проговорила продюсер передачи, – умоляю тебя, скажи, что ты уже в такси.

– Машина еще не пришла, – выдавил Рекс.

В это воскресенье, как и в другие воскресенья, он должен был готовить в прямом эфире Четвертого телеканала. Пропустить передачу было невозможно, а Рекс понятия не имел, который час.

Когда Рекс распрямился, линолеум и трубки дневного света заволокло темнотой. Он оперся о лавку и заговорил, что хочет специальный экран с изображением сырых продуктов и крупный план – когда он будет жарить раков в воке.

– Ты уже должен сидеть в примерной!

– Знаю. Но что поделать, если такси еще нет?

– Вызови другую машину, – вздохнула продюсер и положила трубку.

Проходившая по коридору медсестра с непонятным выражением в глазах посмотрела на него через очки. Рекс оперся о стену, взглянул на телефонные часы и вызвал такси.

У него из памяти не шло обескровленное лицо Самми, когда мальчик пил активированный уголь, чтобы абсорбировать опасные вещества в кишечнике. Рекс сидел рядом с сыном, носовым платком промокал его покрытый холодным потом лоб и твердил, что все будет хорошо. Около шести утра Самми поставили капельницу, уложили в постель и гарантировали Рексу, что он вне опасности. Рекс остался сидеть на лавке в коридоре, чтобы услышать, если Самми позовет его.

Через сорок минут его и разбудил телефонный звонок.

Рекс быстро подошел к двери палаты, заглянул; сын все еще крепко спал. Чистое лицо было бледным, компресс над катетером сморщился. В утреннем солнце поблескивали шланг и полупустой мешок с физраствором. Живот равномерно поднимался и опускался в такт дыханию.

Рекс почти бегом кинулся к лифтам, вошел в кабину и уже нажал зеленую кнопку, когда позвонил шеф по закупкам телеканала.

– Я в такси, – сказал Рекс; лифт как раз поехал вниз.

– Мне уже пора волноваться? – поинтересовалась Сильвия Лунд.

– Успокойся, они просто перепутали заказы.

– Твое время в примерной – через двадцать минут, – напряженно сказала Сильвия.

– Я еду, еду, машина уже на Вальхаллавеген.

Он прислонился лбом к зеркалу, чувствуя, как в теле колючей волной поднимается утомление от бессонной ночи.

Такси ждало его у входа в отделение неотложной помощи. Рекс уселся на заднее сиденье и закрыл глаза. Он хотел поспать хотя бы короткое время поездки, но думать мог только о случившемся и о том, что надо позвонить матери Самми, Веронике.

Насколько Рекс понимал, Самми ожидало направление к психологу или куратору, чтобы те вынесли суждение о его наркотической зависимости и суицидальных наклонностях.

Машина повернула и остановилась на гравийной парковке у входа в телецентр. Рекс расплатился и, не дождавшись чека, побежал к стеклянным дверям.

Сильвия поднялась с одного из странных кресел и заторопилась ему навстречу. Лицо приятно подкрашено, уложенные феном волосы падают на шею и скулы.

– Ты не побрился.

– Разве? Значит, забыл. – Рекс провел рукой по подбородку.

– Позволь взглянуть на тебя?

Ее взгляд прошелся по мятой куртке, нечесаным волосам и покрасневшим, припухшим глазам.

– Нарезался. Просто не верится!

– Ну хватит, я над этим работаю, – угрюмо сказал Рекс.

– Дыхни, – коротко потребовала Сильвия.

– Нет, – улыбнулся Рекс.

– Жалко тебя, но при чем тут жалость... Если ты и дальше будешь позориться, ТВ-4 просто прекратит сотрудничать с тобой.

– Да, ты уже говорила.

– Дыхни, или я не выпущу тебя к камерам.

Рекс покраснел, дыхнул Сильвии в лицо, встретился с ней взглядом и зашагал к шлюзовой двери.

Молодая женщина подбежала к стеклянным дверям студии, протащила карточку-пропуск через устройство и придержала дверь, чтобы впустить Рекса и Сильвию.

– Мы еще успеваем, – выдохнула она.

Рекс стал подниматься в гримборную, но ему вдруг стало плохо на крутой железной лестнице. Пришлось остановиться и постоять, держась за железные перила, прежде чем двинуться дальше.

Он миновал комнату для завтрака, где ждали приглашенные гости, и в своей уборной сразу подошел к раковине. Умылся и прополоскал рот холодной водой, сплюнул, вытерся салфеткой.

Когда он переодевался в висящий на вешалке отутюженный костюм и поварской передник, у него дрожали руки.

Потом он потрусил в гримерную, и молодая женщина, ожидавшая в коридоре, последовала за ним.

Рекс уселся в парикмахерское кресло перед зеркалом. Пытаясь справиться с нервозностью, он поглядывал на поток новостей о большом заказе на пассажирские вагоны “Вольво”; одна гримерша брила его, вторая смешивала тональный крем.

Через равные промежутки времени звучала реклама: “Звездный повар Рекс делится лучшими советами, как победить похмелье”.

– Я не спал ночью ни минуты, – выдавил Рекс.

– Да, но мы с этим справимся, – заверила гримерша и прижала влажную губку к его отекавшим глазам.

Рекс снова подумал о Самми – как тот был маленьким и сказал свою первую фразу. Стоял холодный осенний день, сын играл в песочнице – и вдруг поднял глаза, похлопал по земле рядом с собой и сказал: “Папа, садись”.

Он не хотел детей, не хотел, чтобы Вероника забеременела. Он хотел только пить, готовить еду и трахаться.

Гримерша в последний раз провела пальцами по его волосам, чтобы они легли гладко.

– Почему люди сходят с ума по готовке? – риторически спросила она.

Рекс рассмеялся, сказал ей “спасибо” за то, что она снова сделала его человеком, и поспешил в телестудию.

Глава 21

Звукоизолирующие двери закрылись. Рекс незаметно проскользнул в студию, увидел хозяйку утреннего эфира Мию Эдвардс – та сидела на диване, беседуя с писательницей с розовыми волосами.

Рекс осторожно перешагнул кабели и занял место на кухне возле диванов и кресел. Пока звукорежиссер закреплял на нем микрофон, Рекс проверял, все ли ингредиенты для приготовления пасты на месте, кипит ли вода, плавится ли масло.

На большом мониторе писательница рассмеялась и, протестуя против чего-то, вскинула руки; пущенные субтитрами новости сообщали о возросшей критике Совета безопасности ООН.

– Ну что, проголодались? – спросила Мия писательницу, получив указание через наушник. – Надеюсь, что да, ведь сегодня Рекс приготовит для нас нечто совершенно особенное.

Зажегся свет, и черная линза камеры развернулась к Рексу – тот круговым движением налил масло в сковороду из чеканной меди.

Рекс увеличил газ, начал собирать листики базилика с большого растения, прервался и с улыбкой взглянул в камеру:

– Может быть, кое-кто из вас основательно отпраздновал вчерашний день... так что сегодня у нас – еда от похмелья. Тальятелле с горячими раками, топленым маслом с чесноком, красным перцем, оливковым маслом и свежими овощами... Представьте себе ленивое утро... вы просыпаетесь, рядом с вами – кто-то, кого вы, будем надеяться, узнали в лицо... Ладно, у вас нет сил вспоминать, что вы делали вчера; единственное, что вам нужно, – это поесть.

– Забудьте о диетах! – с азартом сказала Мия.

– Сегодня утром – точно, – усмехнулся Рекс и провел рукой по волосам, отчего прическа сломалась. – Оно того стоит, обещаю.

– Мы тебе верим.

Мия подошла ближе, глядя, как он молниеносными движениями ножа режет чили и чеснок.

– Будь особенно осторожна, если после вчерашнего ты...

– Я умею так же быстро, – пошутила Мая.

– Покажешь?

Рекс подбросил нож так, что тот дважды перевернулся, поймал его и положил рядом с доской.

– Нет, – рассмеялась Мия.

– Моя бывшая называла меня *schtuck*... до сих пор не знаю, что это значит, – усмехнулся Рекс и подвигал сотейник.

– Итак, ты подсушил раков на бумажном полотенце.

– И так как они еще не сварены, солить придется основательно. – Рекс погрузил готовую пасту в кипящую воду.

Сквозь облако пара он взглянул на бегущую по монитору новостную строку, и взгляд зацепился за сообщение: “*Министр иностранных дел Швеции Виллиам Фок скончался после недолгой болезни*”.

От страха у Рекса свело желудок, в голове сделалось пусто. Он забыл, где находится и чего от него ждут.

– А теперь дело за правильными раками, верно? – спросила Мия.

Рекс взглянул на нее и кивнул, не понимая, что она говорит. Дрожащими руками он взял тканевую салфетку с рабочего стола и осторожно, чтобы не повредить грим, промокнул лоб.

Шел прямой эфир, Рекс знал, что должен взять себя в руки, но думать мог только о том, что случайно сделал три недели назад.

Это же неправда.

Одной рукой он крепко взялся за столешницу, чувствуя, как пот льется между лопатками.

– Ты уже сказал, что можно оставить немного воды из-под пасты и добавить ее, чтобы уменьшить количество масла, – сказала Мия.

– Да, но...

– Но не сегодня, верно? – улыбнулась Мия.

Рекс опустил взгляд на руки – они, дрожа, увеличили огонь под сотейником и сейчас выжимали лимонный сок на раков. Дернулось, когда он сжал лимон, капли попали на край миски и остались там, словно наполненные светом прозрачные бусины.

– Ладно, – прошептал Рекс. В голове вертелось: министр иностранных дел скончался после недолгой болезни.

Он был болен, и мой поступок не имеет значения, подумал Рекс и взял миску, в которой были раки.

– И последнее – надо обжарить раков, – сказал он, глядя, как горячее масло образует причудливые узоры. – Приготовились? *Um, dois, très...*²

Камера на длинном шесте приблизилась к большой медной сковороде, когда Рекс театральным жестом опрокинул туда миску, и раки с шумом попадали в масло.

– Увеличьте огонь! Следите за цветом и слушайте... вы услышите, как выпаривается жидкость. – Рекс перевернул раков.

Затрещало, когда он просыпал на сковороду щепотку соли. Другая камера снимала его спереди.

– Дайте настояться несколько секунд. Пусть ваша любимая еще понежится в постели, пока еда не будет готова, – улыбнулся он и вынул розовых раков из масла.

– Запах потрясающий! У меня колени подгибаются. – Мия склонилась над блюдом.

Рекс дал пасте стечь, быстро опрокинул ее в миску, смешал масло с чесноком и перцем, высыпал сверху промасленных раков, плеснул немного белого вина и бальзамического уксуса, после чего густо засыпал рубленой петрушкой, майораном и базиликом.

– Забирайте тарелки в спальню, – сказал Рекс в камеру. – Откройте бутылку вина, если собираетесь остаться под одеялом, а если нет, то и вода отлично подойдет.

² Один, два, три... (португ.)

Глава 22

Министр иностранных дел мертв, повторял про себя Рекс, покидая студию, где гости ели приготовленную им пасту. Когда он проходил звукоизолирующие двери, гости как раз обсуждали блюдо.

Он добежал по коридору до своей гримуборной, запер дверь, споткнулся о собственные ботинки и ввалился в туалет, где его вырвало.

Обессиленный, он умылся и прополоскал рот, лег на узкий диван и закрыл глаза.

– *Fuck me*, – прошептал он, и в голове заворочались смутные воспоминания о ночи три недели назад.

Он был на вечеринке в “Матбарен”, слегка перепил и вообразил, что влюблен в женщину, работавшую в инвестиционной компании со смешным названием.

Почти каждый раз, как Рекс напивался, он заканчивал ночь в компании какой-нибудь женщины. Если ему везло, то она оказывалась не ассистенткой с Четвертого канала или бывшей женой какого-нибудь коллеги, а совершенно незнакомой. Как в тот раз.

Рекс поехал с ней на такси в Юрскольм, она оказалась разведенной, а ее единственный ребенок учился по обмену в США. Он целовал ее в шею, пока она отключала сигнализацию и впускала его. По комнатам ходил старый золотистый ретривер.

Не тратя времени на разговоры, они сразу приступили к делу. Стояла ночь, оба знали, зачем он здесь. Рекс выбрал в большом холодильнике бутылку вина и помнил, как пошатнулся, вытаскивая пробку.

Женщина достала сыр и кекс, к которым они так и не притронулись.

Словно подчиняясь неизбежному, он проследовал за женщиной по устланному коврами коридору в хозяйский будуар.

В спальне женщина зажгла бра, давшее приглушенный свет, и скрылась в ванной.

Из ванной она вышла в ночной рубашке и кимоно из той же серебристой ткани. Выдвинула ящик ночного столика и вручила Рексу презерватив.

Рекс помнил, как женщина захотела, чтобы он вошел в нее сзади – может быть, чтобы не видеть его лица. Она стояла на четвереньках, обнажив белый зад, ночная рубашка собралась на талии, полудлинные волосы качались вдоль щек.

Старинная кровать скрипела, вышитый ангел в рамке раскачивался на стене.

Оба они слишком устали, были слишком пьяны, она не достигла оргазма, даже не притворилась. Когда он кончил, женщина только пробормотала, что хочет спать, легла на живот, да так и уснула с раздвинутыми ногами.

Он вернулся на кухню, достал коньяк, полистал утреннюю газету, которую как раз принесли. Идиотское высказывание министра иностранных дел: могучая феминистская коалиция хочет разрушить традиционные отношения между мужчинами и женщинами.

Рекс швырнул газету на пол и вышел из дома.

С одной мыслью в голове он прямым путем спустился к Ерманиавикену и шел вдоль воды, пока не оказался перед виллой министра иностранных дел.

Он был слишком пьян, чтобы беспокоиться из-за сигнализации или камер видеонаблюдения. Сильнейшее желание восстановить справедливость гнало его, когда он перелез через ограду, шел прямо через лужайку и поднимался на террасу. Кто угодно мог увидеть его там. У окна могла стоять жена министра, кто-нибудь из соседей мог проезжать мимо. Рексу это было все равно. Его захватила одна-единственная мысль, он просто должен был помочиться в освещенный бассейн министра иностранных дел. В тот момент это казалось совершенно правильным. Когда моча полилась в голубую воду, на лице Рекса сияла улыбка победителя.

Глава 23

Проигнорировав подъехавшее к дверям телецентра такси, Рекс пошел пешком. Ему надо было отдышаться, собраться с мыслями.

Несколько месяцев назад он успокоил бы себя большим стаканом виски, за которым последовали бы еще три.

Он шагал вдоль запруженной транспортом Лидингёвеген и пытался понять, чего будет стоить ему его поведение, когда позвонил Диджей.

– Ты меня видел?

– Да, чертовски хорошо смотрелось! Ты выглядел, и правда, как с похмелья.

– Сильвия тоже так подумала. Она решила, что я напился.

– Она так сказала? Я могу приехать и засвидетельствовать, что вчера ты пил только воду... впрочем, очень много морской воды.

– Ну, не знаю... Это как-то смешно – притворяться алкоголиком, чтобы не потерять работу.

– Но это же не ошибка, что ты спокойно принял...

– Хватит, я больше не могу, – перебил Рекс.

– Я не имел в виду ничего плохого, – тихо сказал Диджей.

Рекс вздохнул и взглянул через ограду на двор перед большой спортивной ареной, построенной к Олимпийским играм 1912 года.

– Ты слышал, что умер министр иностранных дел? – спросил он.

– Естественно.

– У нас были сложные отношения. – Рекс шел вдоль черной ограды.

– В каком смысле?

– Я его не любил. – Рекс вошел в ворота и шагнул на красную гаревую дорожку, тянущуюся вокруг лужайки.

– О'кей, но необязательно говорить об этом сразу после его смерти, – тихо заметил Диджей.

– Дело не только в этом...

Давид Джордан молча слушал, пока Рекс тихо признавался, как его, пьяного, угораздило помочиться в бассейн министра иностранных дел.

Рекс закончил признание рассказом, как он собрал всех садовых гномов – семьдесят сантиметров в высоту – и побросал их в освещенный бассейн.

Рекс вышел на футбольную площадку и остановился в центре.

Пустые трибуны обступали его со всех сторон, и он вообразил, что какие-то из тех гномов стоят, а какие-то лежат на дне, колючие от мелких пузырьков воздуха.

– Ну ладно, – сказал Диджей, помолчав. – Еще кто-нибудь знает об этом?

– Камеры видеонаблюдения.

– Если будет скандал, инвесторы отыграют назад, сам понимаешь.

– И что мне делать? – уныло спросил Рекс.

– Отправляйся на похороны, – медленно сказал Диджей. – Я прослежу, чтобы ты получил приглашение. Выскажись перед журналистами, скажи, что умер твой лучший друг. Отзывайся о нем и его политических действиях с величайшим уважением.

– Все вскроется, как только на сцену явятся записи с камер.

– Да, я понимаю, но надо предвосхитить это, уже сейчас рассказать о ваших грубых словечках и дурацких шутках... иногда вы заходили слишком далеко, но такими уж друзьями вы были. Однако не делай никаких особенных признаний, избегай подробностей. Будем надеяться, что записей не осталось.

– Спасибо.

– А чем тебе не угодил министр иностранных дел? – с любопытством спросил Диджей.

– Он всегда был лживая скотина... и в качестве последней шутки я насу на его могилу.

– Только не под запись, – рассмеялся Давид, и разговор закончился.

Рекс посмотрел, как стайка голубей взлетает с трибуны, описывает в небе полукруг, вытягивается медленным эллипсом, собирается и снова садится.

Когда Рекс вошел в палату, Самми сидел на застеленной койке и вытирал волосы полотенцем.

– Классный грим, папа, – сказал он хрипло.

– Точно. Я прямо из телецентра.

Рекс шагнул к кровати. Беспорядочные картины промывания желудка и его собственный страх из-за смерти министра постоянно давили изнутри.

Он напомнил себе: единственно верное решение сейчас – оставаться спокойным и не выносить суждений.

– Как ты? – осторожно спросил он.

– Так себе. Горло болит. Как будто мне в глотку сунули шланг.

– Вернемся домой, и я сварю суп.

– Врач только что ушел, ты чуть-чуть его не застал... я должен поговорить с куратором, прежде чем меня отсюда выпустят.

– Ты договорился о времени?

– Он придет в час.

– Тогда я еще успею повидаться с Диджеем. – Рекс сообразил, что через полчаса ему надо быть на встрече анонимных алкоголиков. – Но потом я сразу приеду сюда... и мы уедем домой на такси.

– Спасибо.

– Самми, нам надо поговорить.

– Ладно. – Сын немедленно замкнулся.

– Я не хочу больше попадать в такие ситуации, – начал Рекс.

– Тебе вчера пришлось нелегко, – сказал Самми, отвернувшись.

– Да.

– Папа – знаменитость. – Самми криво улыбнулся. – Папа – звездный повар из телевизора, ему нельзя иметь такого никчемного сына – гея, который красится и...

– Это мне все равно, – перебил Рекс.

– Тебе надо продержаться всего несколько недель.

– Я все-таки надеюсь, что нам будет неплохо вместе – но и ты обещаешь приложить усилия.

– Ты о чем? – Самми поднял бровь. – Речь о Нико?

– Мы сейчас говорим не о морали, – пояснил Рекс. – У меня нет предубеждений на этот счет, я считаю, что любовь бывает всякая.

– При чем здесь любовь, – промямлил Самми.

– Ну секс.

– Ты был влюблен в маму? – спросил Самми.

– Не знаю. Я тогда еще не повзрослел по-настоящему, – честно ответил Рекс. – Но уже потом я понял, что она – та женщина, с которой мне следовало остаться... как я хотел бы прожить всю свою жизнь с ней и с тобой.

– Но мне уже девятнадцать. Папа, чего ты хочешь от меня?

– Для начала – чтобы не было больше промываний желудка.

Самми медленно поднялся и вышел, чтобы повесить полотенце.

– Я думал, Нико проверил, что за таблетки он в меня впихнул, – сказал он, вернувшись. – Но их оказалось слишком много.

– Впредь проверяй сам.

– Я слабый... и мне можно быть таким, – быстро ответил сын.

– Тогда ты не выдержишь... слабость непозволительна.

– Ладно, папа.

– Самми, это не я так говорю. Это так и есть.

Сын привалился к дверной раме, скрестив руки на груди. Он покраснел и тяжело сглотнул.

– Просто не делай ничего, что опасно, – попросил Рекс.

– Почему бы и нет? – прошептал Самми.

Глава 24

Хотя ни одна террористическая организация пока не взяла на себя ответственности за убийство, аналитики службы безопасности не считали это странным, учитывая характер преступления. Убийцы могли преследовать цель не столько посеять ужас в обществе, сколько запугать небольшую группу политиков высшего уровня.

Все воскресенье продолжалась обработка обширных криминалистических данных и более десяти тысяч лабораторных проб. Все подтверждало версию о высоком профессионализме киллера. Он не оставил ни отпечатков пальцев, ни биологических следов, он не оставил ни пуль, ни гильз, не засветился на камерах наблюдения.

Полицейским удалось отыскать несколько отпечатков его ботинок, но такие ботинки продаются по всему миру, а анализ застрявших в них пылинок ничего не дал.

Сага, руководитель расследования Янус Миккельсен и ядро группы сидели в зале для совещаний в штаб-квартире службы безопасности в Сульне. На Янусе была бледно-зеленая, с батиковой росписью футболка. Когда Янус увлекался, его белесые брови приобретали розоватый оттенок.

Конечно, полиция усилила охрану важных зданий, конечно, рядом с ключевыми персонами появилось еще больше телохранителей. Но все понимали, что этого недостаточно.

В зале для совещаний царило напряжение.

Перед отправкой из тюрьмы Халль Салима изолировали от других заключенных, хотя никто не рассчитывал, что подобная мера предотвратит следующие убийства. Даже если он не сможет получать новые приказы, первые три уже подготовлены.

Сейчас вся надежда была на инфильтрацию Йоны. Если он потерпит неудачу, полиции останется только наблюдать за тем, что произойдет в среду.

– Мы имеем дело с отлично подготовленным киллером... он не делает ошибок, не оставляет следов, не боится, – сказал один из собравшихся.

– Тогда он не должен был оставлять свидетельницу, – заметила Сага.

– Если только он не сутенер, который решил, что на этот раз министр зашел слишком далеко, – улыбнулся Янус и сдул рыжеватую прядь с лица.

Жанетт и Сага уже трижды допросили свидетельницу, но ничего нового не выяснили. Она твердо держалась своей истории, и ничто не указывало на то, что она лжет. В то же время они не могли найти подтверждений тому, что она действительно проститутка.

Никто в этой сфере услуг не знал Софию. Но криминалистам удалось выследить Тамару – она, кажется, была единственным человеком, который мог подтвердить ремесло Софии.

Тамара была в списке контактов в мобильном телефоне Софии; телефон Тамары запенговали через три базовые станции, и техники выяснили ее точное местоположение. Перемещения Тамары ограничивались небольшим районом к юго-западу от Нючепинга.

Она не была замужем и не переехала в Гётеборг, как утверждала София.

Объявление о ее эксклюзивных эскорт-услугах в Стокгольме так и висело в интернете. На фотографии была женщина лет двадцати пяти с живыми глазами и элегантной прической. Реклама предлагала изысканное общество на закрытых вечеринках, а также в поездках, оплата за всю ночь или покупка пакета “уик-энд”.

Сага читала описание дороги. Жанетт Флеминг вела темно-серый “БМВ” со скоростью сто сорок километров в час. Обеим женщинам всегда было легко вместе, несмотря на различия в характере и внешности. На Жанетт была светло-серая юбка и белый жакет, тонкие

колготки и лодочки на невысоком каблуке. Зачесанную набок челку украшала матово-серебряная заколка.

Женщины болтали и ели соленую лакрицу из пакетика, стоящего возле рычага передач.

Сага рассказывала, что вчера ее бывший, Стефан, напившись, прислал ей сообщение из Копенгагена. Он желал, чтобы Сага приехала к нему в гостиницу.

– Почему нет. – Жанетт взяла еще леденец.

Сага рассмеялась, потом сердито посмотрела в окно на мелькнувшие мимо промышленные строения.

– Он просто идиот. Не понимаю, как я могла с ним спать, – тихо сказала она.

– Но если серьезно, – Жанетт побарабанила по рулю, – кому нужны принципы? Это жизнь, единственная, которая у тебя есть, а ты одинока.

– Ты это говоришь как психолог? – улыбнулась Сага.

– Я действительно так думаю. – Жанетт взглянула на нее.

До Нючэпингсбру, к ночному ресторану, построенному как имитация моста над шоссе, они доехали уже поздно вечером.

Жанетт описала круг по парковке; наконец они отыскали старый “Сааб” Тамары, остановились так, чтобы “запереть” машину, и вошли в ресторан.

Мужчина с подносом расплатился и получил талон на место на площадке для отдыха. Сидевшая за кассой женщина крикнула, чтобы он прикрепил талон на ветровое стекло.

В ресторане было почти пусто. Сага и Жанетт все же прошли между столиками, но Тамары не увидели. Они миновали бассейн с мячами, в котором не было детей. Тусклые мячи покоились за покрытым пятнами стеклом возле зеленой таблички с информацией для туристов.

– Ладно, выходим, – тихо сказала Сага.

На площадке для отдыха стояла темень. Было холодно, и Сага, идя мимо скамеек и столиков, застегнула кожаную куртку. Сороки прыгали по краям переполненных мусорных баков.

Сага и Жанетт спустились ниже, на площадку для дальнобойщиков; на парковку как раз въезжала синяя фура. Земля дрожала от тяжести чудовища. Фура повернула и, пыхтя, остановилась возле крайней машины.

По эту сторону моста стояло девятнадцать таких фур, за ними высился мрачно-черный еловый лес. Гул от шоссе наплывал волнами, словно механический прибой.

Между машинами было темно и странно тепло. Запах дизеля смешивался с запахами мочи и сигаретного дыма. Пощелкивал раскаленный металл. Грязная вода капала с навесов над огромными колесами.

Кто-то выбросил мешок с мусором под прицеп, залез в кабину, заперся и включил газовую сигнализацию.

В темноте то тут, то там вспыхивали огоньки сигарет.

Сага и Жанетт шли дальше. На покрытом масляными пятнами асфальте изжеванные пакетики табака, мешки из “Бургер Кинга”, окурки и растоптанные порногазетки.

Присев, Сага заглянула под подвеску и увидела людей, которые двигались между стоявшими поодаль грузовиками. Кто-то мочился на колесо. Слышался приглушенный говор, за закрытыми дверями лаяла собака.

Рядом с ними завелась фура, полосатая от грязи; машина работала на холостом ходу, чтобы поднялось давление и прогрелся мотор. Красные габаритные огни осветили кучу мусора и пустые бутылки на лесной опушке.

Заглянув еще раз под ржавые шасси, Сага увидела, как из кабины вылезает какая-то женщина. Женщина, пошатываясь, пошла прочь; Саге отчетливо были видны ее худые ноги в ботинках на платформе.

Глава 25

Сага и Жанетт бросились по направлению к женщине; с парковки как раз выезжала грязная фура. Машина тяжело завернула, кабина прогреготала так близко, что женщинам пришлось прижаться к другому грузовику, чтобы их не задело.

Перед глазами поворачивались огромные колеса.

Горячее облако выхлопных газов повисло в воздухе, и Жанетт приглушенно кашлянула.

Вдали кто-то что-то прокричал, послышался гудок автобуса.

Обогнув другую машину, они увидели женщину в ботинках на платформе. Она стояла, прикрывая сложенной лодочкой ладонью сигарету. Огонек освещал ее лицо. Это оказалась не Тамара. Глаза женщины были в красных кругах, глубокие морщины залегли от носа к уголкам губ. Блеклые жидкие волосы с седыми корнями. Одета в топ с глубоким вырезом и замшевую юбку.

Женщина, стоя возле фуры с польскими номерами, сказала что-то водителю, глубоко затаилась и вдруг шатнулась назад, чуть не упав в проем между подвеской и полуприцепом. Сага и Жанетт услышали, как мужчины в кабине объясняют по-английски, что не хотят покупать секс. Они вежливо объяснили, что хотят только позвонить детям, пожелать им спокойной ночи, а потом лечь спать.

Женщина отмахнулась от них, пошла дальше и уже успела постучать в дверь следующей фуры, когда Сага и Жанетт догнали ее.

– Простите, вы не знаете, где Тамара Йенсен? – спросила Сага.

Женщина, как в полусне, обернулась к ним и отвела волосы с лица.

– Тамара? – хрипло переспросила она.

– Я ей денег должна, – пояснила Жанетт.

– Ну... я передам ей деньги, честное слово. – Женщина не смогла удержаться от улыбки.

Сага рассмеялась.

– Она здесь?

Женщина указала на задний двор ресторана.

– Пойду посмотрю, – сказала Сага.

Жанетт осталась стоять возле машин, глядя, как Сага лавирует между огромными фурами – тонкий силуэт в свете огней ресторана.

– Можно задать вам вопрос? – Жанетт повернулась к проститутке.

– Слушай, меня уже спасают, – автоматически ответила женщина и снова пошатнулась.

Машина рядом с ними вдруг с ревом завелась. Огромная фура шумно выдохнула и, сотрясаясь, покатила вперед. Поплыли горячие дизельные пары. Заднее колесо проехало прямо по стеклянной бутылке. Она раскрошилась, осколки брызнули над землей. Жанетт почувствовала, как обожгло голень. Она провела рукой по рваным колготкам, посмотрела на кончики пальцев – они были в крови. Когда Жанетт снова распрямилась, проститутка уже исчезла.

Сага прошла мимо ресторана, обогнула туалеты и душевую для шоферов. Между ветками деревьев светилась желтым ракушка бензоколонки. На задах было полно мусора, валялся старый пакет из-под молока, обрывки туалетной бумаги. Птицы и мелкие животные растаскивали объедки.

Тамара сидела на земле, привалившись к стене и прижав к носу и рту пакет.

– Тамара?

Тамара сжала пакет и медленно отняла его от лица. Глаза закатились, дыхание со свистом вырывалось между стиснутых губ.

– Меня зовут Сага Бауэр, я хочу поговорить о твоей лучшей подруге Софии Стефансон.

Тамара смотрела на Сагу, по ее подбородку тянулась нитка слюны. Пряди волос облепили лицо – серое, с отсутствующим выражением, словно женщина была без сознания.

– Вот моя лучшая подруга. – И Тамара приподняла пакет.

– Но я знаю, что вы с Софией знакомы.

Тамара кашлянула. Она едва не завалилась на бок, но оперлась на руку и еще несколько раз глубоко вдохнула из пакета.

– София, – еле ворочая языком, выговорила она и вяло кивнула.

– Она тоже оказывает эскорт-услуги?

– Она считает себя лучше других, но она просто дура, которая ничего не соображает.

Глаза у Тамары закрылись, голова опустилась на грудь.

– Чего она не понимает?

– Того, что хорошо в этой работе, – прошептала женщина.

– Ты когда-нибудь видела ее с клиентами?

Тамара вздохнула и снова открыла глаза, обнаружила, что к руке приклеился сморщенный презерватив, оторвала его и бросила на землю.

– У меня такой странный привкус во рту, – сообщила она и подняла глаза на Сагу. – Если у тебя есть желание угостить меня, мы можем поговорить.

– Ладно.

Тамара снова кашлянула, с трудом поднялась на ноги и прищурилась на Сагу.

Женщина была страшно худой, руки и щеки в мелких ранках, сухие губы растрескались. Заколка с отлетевшими вставками свисала на сморщенный лоб.

Почти ничего в ней не напоминало улыбающуюся женщину с интернет-страницы.

Тамара шла согнувшись, повесив голову. Когда они вошли в ресторан, она на какое-то время замерла, раскачиваясь, словно забыла, куда собиралась, но потом двинулась к стойке.

– Я хочу молочный коктейль, шоколадный... И картошку с кетчупом... и большую пепси, и... машинки, – объявила она и взяла пакетик конфет в виде машинок и положила на кассу.

Жанетт двинулась между фурами туда, где, как она думала, скрылась проститутка. У лесной опушки между машинами оказалось так темно, что ей пришлось вытянуть руки, чтобы ни на что не наткнуться. В воздухе висели дизельные пары, от иных машин шел пар, как от потных лошадей. Жанетт прошла мимо кабины с опущенными квадратными шторками.

Жанетт вдруг заметила женщину. Та стояла далеко впереди; сплюнув, она постучалась в кабину, опираясь одной рукой на огромное переднее колесо.

– Где еще ты работаешь? – спросила Жанетт, подходя к ней.

– Я вращаюсь в высших кругах.

– У тебя есть клиенты в Юрскольме?

– Я выбираю только лучших, – с трудом ворочая языком, проговорила женщина.

Дверь открылась, и на них глянул могучий мужчина в очках и с редкой бородкой. Он послал Жанетт воздушный поцелуй и нетерпеливо глянул на проститутку.

– Что надо? – спросил он.

– Я только хотела спросить, не нужно ли составить тебе компанию, – ответила женщина.

– Да ты уродина, – ответил мужчина, однако дверь не закрыл.

– Не уродина я, – спокойно заметила проститутка, хотя мужчина явно был с ней не особенно ласков.

– Каким это местом ты не уродина?

Женщина задрала топ и продемонстрировала бледные груди.

– И ты хочешь, чтобы тебе за это заплатили? – спросил мужчина, однако кивнул ей, приглашая подняться.

Глава 26

Жанетт смотрела, как женщина карабкается в кабину и закрывает за собой дверь. Она немного подождала в темноте, услышала, как постукивает подвеска сиденья.

По земле ползал свет фар, тени скользнули в сторону. С другого конца парковки донеслись смех и приглушенная музыка.

Что-то прокричал женский голос – злой, пьяно-хриплый.

Жанетт заглянула под прицеп фуры. Кто-то бросил на землю сигарету; искры рассыпались по асфальту, их затоптали. Вдруг Жанетт заметила поодаль какое-то движение. Кто-то словно крался на четвереньках под грузовиками и прицепами в ее направлении. По спине и шее прошел холодок, и Жанетт зашагала к ресторану.

Завернувшая на площадку фура, отчаянно скрипя, остановилась и пропустила ее, тяжело выдохнув. Под машиной позванивала цепь. Жанетт не видела глаз водителя, но вышла на дорогу прямо в яркий свет фар.

Она приблизилась к ресторану, обернулась, но ее никто не преследовал.

Жанетт немного успокоилась. Она решила снять порванные колготки и промыть рану на ноге, а потом позвонить Саге.

В туалете все кабинки оказались заняты. Кровь уже свернулась, на икре остался потек.

Тонкая жестяная дверь одной из кабинок открылась, и оттуда вышла крашеная блондинка. Прижав к уху телефон, она кричала, что у нее клиент и она не может делать все одновременно.

Раздраженно жестикулируя, женщина скрылась в направлении фур.

К одной двери была приклеена табличка “Не работает”, однако Жанетт шагнула в кабинку и заперла дверь.

Это оказался туалет для инвалидов с тонкими жестяными стенками. Белые поручни сломаны, над полом светится красная тревожная кнопка.

Жанетт сняла рваные колготки, выбросила. В мусорном ведре было полно использованных презервативов. Пол покрывала влажная туалетная бумага, в стенах зияли дыры.

Жанетт посмотрелась в зеркало, достала из сумочки пудреницу, нагнулась над раковиной и услышала, что за перегородкой кто-то есть – в тесном пространстве кабинки двигалось чье-то тело.

Припудриваясь, Жанетт заметила в перегородке отверстие примерно в метре над полом. Может быть, там когда-то был держатель для туалетной бумаги. Жанетт положила пудреницу в сумочку и уже собралась было выйти, когда увидела, что стенка выгнулась.

Кто-то привалился к ней с той стороны.

Что-то зашуршало, и на пол упала просунутая в отверстие смятая купюра. По стене тихо стукнуло. Жанетт уже хотела что-то сказать, как вдруг показался большой пенис – он торчал из дыры перед ней.

Ситуация была настолько нелепой, что Жанетт провела рукой по рту.

В голове пронеслось то, что она читала о французских свингерских клубах.

Мужчина по ту сторону перегородки думает, что она проститутка.

Какая чепуха.

Жанетт немного постояла, тяжело слотнула, глядя на пенис и чувствуя, как быстро бьется сердце, посмотрела на дверь туалета. Заперто.

Она медленно протянула руку и обхватила теплый толстый член.

Немного сжав, Жанетт ощутила, как он твердеет и увеличивается; она осторожно погладила его и выпустила.

Не зная, почему она это делает, Жанетт нагнулась и взяла пенис в рот, осторожно пососала, ощутила, как он еще увеличился. Остановилась, выдохнула, стащила трусы и обхватила твердый член.

В голове вертелось: сейчас же прекрати, нельзя, ты сошла с ума. Пульс гудел в голове. Жанетт повернулась и одной рукой оперлась о бачок. Ноги дрожали. Она встала на цыпочки, направила пенис вниз и позволила ему скользнуть в себя сзади. Тяжело дыша, снова взглянула на замок. Жестяная дверь стукнула, когда Жанетт толкнуло вперед, она вцепилась в бачок и прижалась задом к холодному металлу стены.

Сидя напротив Тамары, Сага ждала, пока отравленная наркотиками женщина ела жареную картошку; на краю тарелки растеклась лужица кетчупа. Под носом у женщины блестели прозрачные сопли. Вдали тянулось оживленное шоссе – белые огни в одном направлении, красные в другом.

– Насколько хорошо ты знаешь Софию Стефанссон? – начала Сага.

Тамара пожала плечами, отпила коктейля через трубочку, щеки втянулись, лоб побелел.

– Мозги отморозить, – выдохнула она, оторвавшись наконец от коктейля.

Она старательно макала ломтики картошки в кетчуп и жевала, слегка улыбаясь.

– Напомни, кто ты? – попросила она.

– Подруга Софии.

– А, точно.

– Она не могла назваться проституткой в шутку?

– В шутку? Ты о чем вообще? Мы как-то работали вместе в помойном подвале... ее поимели в задницу... хороша шутка.

Лицо Тамары вдруг снова стало расслабленным, словно она с головой погрузилась в воспоминания.

– Почему ты больше не оказываешь эскорт-услуги в Стокгольме? – спросила Сага.

– А ты могла бы далеко пойти, ты такая... У меня есть связи, я рекламировала нижнее белье... только без белья. – Тамара затряслась от беззвучного меха.

– У тебя когда-то был клиент в Юрскольме – такой большой дом у воды, клиент мог называть себя Вилле, – спокойно напомнила Сага.

– Может, и был. – Тамара сунула в рот еще ломтик картошки, стала жевать с открытым ртом.

– Ты его помнишь?

– Нет, – зевнула Тамара, вытерла руки о юбку и вывалила на стол содержимое сумочки.

Щетка для волос, сверток пакетов, губная помада, огрызок карандаша для глаз, презервативы, духи из *“Victoria’s Secret”* покатались по клеенке. Сага заметила, что у Тамары есть три темно-коричневые ампулы из флакона с петидином, вызывающим исключительно сильную зависимость наркотиком. Тамара выдавила таблетку валиума из упаковки с десятью красивыми голубыми таблетками и запила ее пепси-колой.

Сага терпеливо дождалась, пока Тамара смахнет все назад в сумочку, и показала ей фотографию министра иностранных дел.

– Да пошел он, – сказала Тамара и сжала губы.

– Когда ты была у него, он говорил с кем-нибудь по телефону?

– Ну... он был на взводе, много пил, все говорил, что легавые должны стоять по стойке “смирно”... раз сто это повторил, – ухмыльнулась Тамара.

– Что полицейские должны стоять по стойке “смирно”?

– Да... и что есть один человек с двумя лицами, этот человек преследует его.

Она выпила еще пепси и покачала стакан; льдинки звякнули друг о друга.

– Как этот человек его преследовал?

– Я не спрашивала.

Тамара макала картошку в кетчуп, ела.

– Что он имел в виду, говоря про два лица?

– Ничего. Это не важно. Просто болтовня.

– Он должен был встретиться с этим человеком?

– Не знаю, он ничего об этом не говорил... я хотела, чтобы ему было хорошо, так что навела его на разговор о картинах на стене.

– Он был груб с тобой?

– Он был джентльмен, – коротко ответила Тамара.

Взяв со стола конфеты, она встала и, пошатываясь, пошла к выходу. Сага направилась за ней, и тут зазвонил телефон. Сага взглянула на дисплей; звонил Янус Миккельсен. Она дотронулась до зеленого символа и поднесла телефон к уху:

– Бауэр.

– Мы просмотрели записи со всех камер наблюдения, какие есть на жестком диске... тринадцать камер, два месяца, почти двадцать тысяч часов записи.

– Видно преступника? Он там, осматривается?

– Нет, но на одной записи ясно виден еще кое-кто, ты должна посмотреть эту запись.

Позвони, когда будешь возле конторы, – я спущусь и открою.

Сага знала, что у Януса биполярное расстройство, и поняла, что начальник сейчас в маниакальной фазе. Должно быть, он не принял лекарство.

– Ты знаешь, который час? – спросила она.

– Какая, на хрен, разница.

– Мне надо поспать, увидимся завтра, – спокойно сказала она.

– Поспать, – повторил Янус и захохотал, словно прочитав ее мысли. – Ничего страшного, я просто увлекся – так же, как и ты.

Шагая к парковке, видя под собой поток транспорта, широкое, серое в темноте шоссе, Сага позвонила Жанетт.

София, видимо, действительно была проституткой, говорила правду и никак не замешана в убийстве.

Но почему тогда ей позволили выжить, спросила себя Сага и остановилась возле машины. Они до сих пор понятия не имеют, какую цель преследовал убийца.

Глава 27

На Седергатан возле Хельсингборга стоит большой частный дом – белый оштукатуренный фасад, блеклая соломенная крыша. Раннее утро. Красивый парк погружен в серую дымку, но из окон нижнего этажа льется желтый свет.

Дом казался янтарем в серебряной броши.

Нильс Гильберт проснулся внезапно. Он, должно быть, задремал в кресле-каталке. Лицо горело, сердце тяжело билось. Солнце еще не поднялось до вершин деревьев, дом и парк лежали в тени.

Сад походил на царство мертвых.

Нильс хотел посмотреть, пришел ли Али, оттащил ли тачку и лопату в сарай.

Когда Нильс подъехал к кухонной двери, чтобы впустить свежего воздуха, послышалось странное царпанье. Оно доносилось как будто из большой гостиной, и он подумал – наверное, кошка хочет выйти.

– Лиззи?

Звук резко замер. Нильс какое-то время прислушивался, потом откинулся на спинку.

Руки на подлокотниках задрожали. Ноги подергивались и подскакивали в бессмысленном, пугающем танце.

Нильс скрывал признаки болезни Паркинсона до тех пор, пока ему это удавалось. Рука онемела, ногу приходилось подволакивать. Почерк изменился и стал таким мелким, что он и сам едва мог разобрать микроскопические буквы.

Он не хотел, чтобы Эва что-нибудь заметила.

Эва умерла три года назад. Они не распознали инфаркт, не знали, что симптомы инфаркта у женщин выглядят по-другому.

Эва несколько недель жаловалась на усталость.

Была суббота; Эва как раз пришла из “Вэлы” с тяжелыми пакетами. Ей стало трудно дышать, она почувствовала давление в груди и улыбнулась: “Кажется, я основательно простудилась”.

Эва села на диван; пот струился по бледным щекам.

Она прилегла. Когда Нильс спросил, не включить ли телевизор, она уже умерла.

Теперь у него осталась только Лиззи.

Целыми неделями ему не с кем было поговорить. Иногда он беспокоился, остался ли еще у него голос.

Среди немногих людей, которых он видел, была девушка, убиравшая бассейн. Она ходила по участку, одетая в джинсы и желтый лифчик бикини; когда Нильс пытался заговорить с ней, у нее просто делался озадаченный вид.

Когда он в первый раз попытался заговорить с ней, она посмотрела на него, как на девяностолетнего или умственно отсталого.

Курьеры из продуктовых магазинов всегда торопились – просили расписаться и тут же убегали. А физиотерапевт, сердитая женщина с большой грудью, заботилась только об упражнениях; она отдавала Нильсу короткие приказы и делала вид, что не замечает его попыток завести разговор.

Время на разговоры с Нильсом находилось только у иранца из садоводческой фирмы. Иногда Али заходил выпить кофе.

Ради него Нильс и держал бассейн открытым, хотя не отваживался предложить ему искупаться.

Али трудился изо всех сил, спина взмокла от пота.

Нильс знал, что вызывает его слишком часто. Но именно благодаря ревностному уходу сад с фигурно подстриженными кустами и опрятной живой изгородью, с увитыми зеленью воротами и безупречными каменными дорожками выглядел так красиво.

Тихо. Здесь всегда тихо.

Нильс дернулся, положил руки на колеса, крутнул вперед-назад, развернул коляску и покатил к музыкальному автомату.

Он купил его, когда ему было двадцать лет: настоящий “*Seeburg*”, изобретение шведа по фамилии Шёберг.

Раньше Нильс иногда менял пластинки, печатал новые названия, помещал их под стеклянную пластину.

Он достал из ящичка монету, сунул в щель. Звякнув, монета привела в действие механизм и снова оказалась в ящичке.

Все эти годы Нильс бросал в аппарат одну и ту же монету.

Дрожащей рукой он нажал клавишу “С7”. Пластинка с жужжанием упала на вертушку.

Откатываясь в сторону, Нильс услышал характерное вступление “*Stargazers*” – быстрые барабаны. Его отбросило в прошлое, в день, когда он увидел “*Rainbow*” – конец семидесятых, Консертхюсет, Стокгольм.

Группа опоздала больше чем на час, но когда Дио вышел и запел “*Kill the King*”, человеческое море хлынуло к сцене.

Нильс подъехал к большим окнам. Во второй половине дня он всегда опускал солнцезащитную штору на больших западных окнах, чтобы уберечь свои картины от прямого света.

Через нейлон сад казался темнее и серее.

Али, наверное, это место кажется печальным доказательством отсутствия детей и внуков.

Нильс знал, что дом – чудовищно помпезен, что парк слишком велик, а в бассейне никто не плавает.

Предприятие Нильса выпускало сложную электронику для радаров и электронных систем управления. У него был невероятно выгодный контракт с правительством, Нильс почти двадцать лет экспортировал продукцию с двойной областью применения.

Рука вдруг покрылась гусиной кожей.

Ему показалось, что сквозь громкую музыку он слышит детский голос, нараспев читающий какой-то стишок.

Нильс развернул кресло и выкатился в прихожую.

Голос доносился с закрытого верхнего этажа. Нильс стал подниматься по лестнице, по которой не ступал много лет. Дверь в спальню оказалась приоткрыта.

Музыка в автомате смолкла, пластинка с щелчком вернулась на место, к другим пластинкам, и стало тихо.

Нильс начал бояться темноты через полгода после того, как ему приснился кошмар про жену. Эва вернулась из царства мертвых, но стоять могла, только если толстый деревянный шест пронзал ее от промежности до макушки.

Жена злилась на Нильса из-за того, что он не помог ей, не позвонил в больницу.

Окровавленный кол доходил до пола, и Эва шла за Нильсом, странно-широко расставив ноги.

Нильс положил руки на колени. Руки дрожали, подергиваясь в напрасной, чрезмерной жестикуляции, которая ничего не означала.

Когда дрожь утихла, Нильс затянул ремень на бедрах, чтобы не соскользнуть с сиденья, если дрожь начнется снова.

Он завернул в салон, осмотрелся. Все как обычно. Люстра, персидские ковры, мраморный столик и густа-вианские диван и кресла, доставшиеся Эве по наследству.

Со стола исчез телефон.

Ощущение, что Эва в доме, иногда бывало невероятно отчетливым. В такие моменты Нильс думал, что у ее старшей сестры имеется запасной ключ и та иногда проскальзывает в дом, чтобы пугать его, как в “Скуби-Ду”.

Нильс снова покатил в кухню и вдруг краем глаза уловил, как что-то трепыхнулось мимо. Он быстро повернул голову, и ему показалось, что он видит в старинном зеркале чье-то лицо. Однако он, как и много раз прежде, понял, что это просто пятно сырости на стекле.

– Лиззи? – тихо позвал Нильс.

Звякнул кухонный ящик, послышались шаги. Нильс остановился с тяжело бьющимся сердцем, развернул кресло и снова представил себе, как кровь стекает по колу между ног Эвы.

Он бесшумно нажал на колеса и покатил к большим дверям веранды; колеса тихо шуршали по паркету.

Когда Эва, широко расставив ноги, проходит через кухню, кол скребет по плиткам пола, за ней тянется кровавый след, кол упирается в порог столовой.

Снова послышался тот же глупый стишок.

Наверное, на кухне работает радио.

Нильс посмотрел на закрытую дверь столовой. Дверь отражалась в окне, выходящем в сад.

Руки тряслись, шея онемела. Нильс едва сумел нагнуться, чтобы нажать кнопку солнцезащитной шторы.

Серый нейлон пошел вверх, словно занавес, и сад мало-помалу предстал яснее в красках восхода.

Шезлонги в саду, сосновая хвоя набилась в складках подушек. Освещение бассейна погашено, от воды поднимается пар.

Как только экран поднимется, Нильс сможет открыть дверь и выехать.

В саду он подождет Али, попросит его осмотреть дом, признается, что боится темноты, что каждую ночь у него зажжен свет, и, может быть, заплатит ему дополнительно, чтобы тот еще немного побыл с ним.

Нильс дрожащей рукой повернул ключ в замке. Щелкнуло; он нажал на ручку и немного подтолкнул дверь.

Отъехал назад, посмотрел на столовую, увидел, как дверь медленно открывается от сквозняка.

Он покатил прямо в дверь веранды, как можно скорее, его развернуло, и он мельком заметил фигуру, приближающуюся сзади.

Выкатываясь на выложенный каменными плитами пол и ощущая дуновение прохладного воздуха на лице, Нильс услышал тяжелые шаги.

– Али, это ты? – испуганно крикнул он, продолжая двигаться вперед. – Али!

Сад был тих и неподвижен, сарай с инструментами закрыт. Утренний туман плыл над землей. У воды подрагивал под ветерком какой-то пух.

Нильс попробовал развернуть кресло, но колесо застряло между плитами. Нильс едва дышал. Он попытался унять дрожь, сунув руки под мышки.

Кто-то приближался со стороны дома, Нильс видел человека через плечо.

Человек в маске, с черной сумкой в руке. Он шел к Нильсу, с лицом скрытым, как у палача.

Нильс дергал колеса, но не мог освободиться.

Он хотел еще раз позвать Али, но тут холодная жидкость полилась ему на голову, по волосам, на шею, залила лицо и грудь.

Уже через пару секунд он понял, что это бензин.

Черная сумка оказалась пластиковым баком от газонокосилки. Человек в маске топил его в бензине.

– Пойдите, пожалуйста, у меня много денег... клянусь, я переведу вам все, что у меня есть, – задыхаясь, проговорил он и закашлялся от паров бензина.

Человек в маске обошел его, вылил остатки бензина ему на грудь и бросил пустую канистру на землю перед креслом.

– Пожалуйста, прошу вас... я сделаю что угодно...

Мужчина достал коробок спичек и произнес несколько непонятных слов – слов, которые упали в бушевавший в нем ужас, завертелись, будто монетка, что бросают в воду, загадывая желание.

– Не надо! Не надо...

Нильс попытался отстегнуть ремень на бедрах, но ремень перекрутился и затянулся. Руки впустую дергали ремень. Мужчина в маске не торопясь зажег спичку и бросил ее Нильсу на колени.

Со свистом и гулом человек обратился в факел.

Ангел смерти объял его своими страшными крыльями.

Пижама и волосы горели.

Сквозь голубое свечение Нильс видел, как мужчина в маске отшатывается от жара.

Детский стишок вертелся в голове у Нильса, а вокруг бушевало пламя. Невозможно было втянуть воздуха в легкие; он словно тонул, а потом его внезапно охватила боль, абсолютная и всепоглощающая.

Он никогда в жизни не мог представить себе ничего настолько кошмарного.

Нильс согнулся в позу зародыша, словно издали слыша треск металла: это кресло стало скручиваться от жара.

Он успел подумать, что с подобным звуком новая пластинка выскакивает из музыкального автомата, а потом потерял сознание.

Глава 28

Когда надзиратели на посту услышали, что заключенный из Халля миновал перекресток в кульверте и направляется в крыло “D”, оживления тут же прибавилось.

Через панцирное стекло они увидели непривычное – Йона Линна завтракал за одним столом с лидером “Братства” Рейнером Кронлидом. Оба о чем-то переговорили, Йона встал из-за стола, прихватил с собой стаканчик с кофе и бутерброд и пересел за соседний стол.

– Что он, мать его, затеял? – спросил один надзиратель.

– Может, узнал что-то о новом парне.

– Или речь о побывке.

– Вчера он получил разрешение, – кивнул третий. – Это его первая побывка.

Йона взглянул на трех надзирателей, наблюдавших за ним через стекло, повернулся к Сумо и задал ему тот же вопрос, что несколько минут назад – Рейнеру Кронлиду:

– Что я могу сделать для тебя завтра?

Сумо сидел уже восемь лет за двойное убийство; причиной было недопонимание. Лицо Сумо осунулось от горя, он всегда выглядел печальным, словно только что плакал, а сейчас пытается собраться, чтобы голос звучал твердо.

– Купи розовую розу... самую красивую, какую сможешь найти, походи к Оути и скажи ей, что она моя роза... И скажи, что я прошу прощения... прощения за то, что сломал ей жизнь.

– Ты не хочешь, чтобы она пришла сюда? – Йона взглянул ему в глаза.

Сумо только покачал головой. Он перевел взгляд на окно, посмотрел на серую решетку с накрученной поверх нее колючей проволокой, на грязно-серое уныние над стеной.

Йона повернулся к следующему человеку за столом. Люка Богдани, малорослый человек, чья неудачливость словно отпечаталась у него на лице.

– А для тебя?

Люка подался вперед и прошептал:

– Проверь, не наложил ли братец лапу на мои деньги.

– О чем я должен спросить?

– Никаких вопросов. Посмотришь на деньги, пересчитаешь. Должно быть ровно шестьсот тысяч.

– Ну нет, я не стану этого делать. Я хочу выйти отсюда, а деньги эти краденые, и если мои...

– Хрен легавый, – фыркнул Люка и перевернул свой стаканчик с кофе.

Йона продолжил ходить по столовой от стола к столу. Он спрашивал у других заключенных, что может сделать для них во время своего отпуска. Запоминая их пожелания и поручения, он ждал, когда приведут Салима Рачена.

Йона объяснил премьер-министру, что ему, чтобы подобраться поближе к Рачену, понадобится увольнение на тридцать шесть часов, начиная с понедельника.

– Тогда у вас останется не так много времени в тюрьме, чтобы понять, что он знает, – предостерег его министр.

Йона не стал объяснять, что ограничением может послужить не время, а условия.

Перед тем как покинуть комнату для свиданий, Йона спросил, какие у него полномочия на случай экстремальной ситуации. Дернув углами узкого рта, министр ответил:

– Вы пытаетесь остановить террористов. Ваши полномочия почти безграничны.

Рейнер Кронлид встал из-за стола, нервно провел рукой по рту и уставился на шлюзовую дверь в коридоре. Он замер, вытянув шею, облизал губы и снова опустил на стул. Все, кто сидел за столом “Братства”, подались вперед, когда он заговорил.

Йона увидел, как расслоился свет в коридоре за панцирным стеклом, как дрожащая серая вертикаль ширится и разделяется на три фигуры.

Замок зажужжал, и двое надзирателей ввели нового заключенного, Салима Рачена.

Дежурный офицер кивнул и поставил подпись.

У Салима Рачена было круглое интеллигентное лицо. Жидкие волосы зачесаны набок через темя, серая полоска усов.

Свои вещи он нес в сером тюремном мешке и ни на кого не глядел.

Надзиратель отвел его в камеру, после чего проводил в столовую.

Салим взял миску и чашку с кофе и сел на свободное место рядом с Магнусом Дувой.

Йона подошел к ним, сел напротив Салима и спросил Магнуса, что он может сделать для него во время увольнения.

– Сходи к моей сестре, отрежь ей нос, – попросил Магнус.

– Она же каждый месяц переводит тебе деньги.

– И не забудь снять на камеру, – оскалился Магнус.

Салим слушал, опустив глаза и поедая овсяные хлопья с простоквашей.

Рейнер и двое его людей встали у окна поста и заговорили, чтобы заслонить их на требуемые несколько секунд.

Двое других людей из “Братства” прошли через столовую. Мощные руки неподвижно висели вдоль тела. На одном была татуировка – волк, окруженный скрученной колючей проволокой. У другого рука обмотана грязным бинтом.

Неправильное место для убийства, подумал Йона и повернулся к Салиму.

– Ты говоришь по-шведски? – спросил он.

– Да, – ответил Салим, не поднимая на него глаз.

Мужчины прошли мимо последнего стола у Йоны за спиной и направились к туалетам.

– Ты, может быть, понял, что у меня скоро отпуск и я спрашиваю других, что сделать для них на воле... Мы друг друга не знаем, но ты, наверно, останешься здесь надолго, поэтому я и тебя спрошу.

– Спасибо, но я как-нибудь обойдусь, – тихо сказал Рачен.

– Потому что я кяфир?

– Да.

Серебристая ложка подрагивала в веснушчатой руке Салима.

Скрежетнули стулья, и в другом углу столовой встали из-за стола оба парня из Мальмё.

Имре с золотыми зубами, почти двухметровый, и Дарко, похожий на шестидесятилетнего разнорабочего.

Группа Рейнера начала громко жаловаться, что кофе жидкий и безвкусный. “Братья” повернулись к окошку.

– Нечего нас душить! – выкрикнул один из них. – Пока сюда не явились албанцы, с кофе все было в порядке!

Двое надзирателей за стеклом приготовились выйти и усмирить крикунов.

Люди из “Братства”, проходившие позади Йоны, в коридоре повернулись и направились к Салиму. Надвинули капюшоны, развернулись спиной к камерам наблюдения.

Они не вооружены, явились напугать.

Йона остался на своем месте; он понял, что эти люди готовы к нападению. Салим в Халле торговал наркотиками, и Кронлид должен запугать или убить его, чтобы не потерять контроля над продажами.

– Ты начнешь в прачечной, но можешь выбрать учебу, – спокойно сказал Йона. – У нас учебный кружок... Не знаю, интересно тебе или нет, но в прошлом году трое закончили программу гимназии, и...

Первый из “братьев” толкнул Салима так, что стул перевернулся, Салим упал на бок, оперся на руку, тарелка загремела по полу, простокваша разбрызгалась.

Салим хотел подняться, но второй из нападавших пнул его в грудь так, что тот повалился назад, в стулья.

Правая нога вытянулась, подметка прочертила след в луже простокваши.

Йона сидел, попивая кофе.

Парни из Мальмё, на голову выше, вклинились между ними. Они спокойно оттолкнули людей из “Братства” и, улыбаясь, заговорили по-албански.

Надзиратели были уже в столовой, растаскивали группировки.

Салим поднялся на ноги. Пытаясь выглядеть невозмутимым и скрыть страх, он потрогал раненый локоть и сел на место.

Йона протянул ему салфетку.

– Спасибо.

– Мне кажется, у тебя на рубашке брызги простокваши.

Салим стер пятна, сложил салфетку. Йона подумал, что нападение было ложным, просто отвлекающий маневр.

Он прищурился на Рейнера, пытаясь прочесть по его лицу, каким будет второй заход.

Надзиратели поговорили с обоими нападавшими – те заявили, что Рачен спровоцировал их.

Ситуация разрешилась задолго до того, как явилась спецгруппа с дубинками и слезоточивым газом.

Йона понимал, что единственная возможность проникнуть в организацию Салима до среды – это воспользоваться тем, что Салима перевезли из Халля без предупреждения.

Там он, вероятно, выстроил свою наркоорганизацию для связи с волей.

Разумеется, он учитывал риск быть раскрытым. Но такой риск – нет.

Если он в самом деле руководил из тюрьмы террористической группой, то теперь оказался внезапно отрезанным от нее.

Как оперативный руководитель, он должен немедленно найти связного, восстановить связь.

Если полученная от службы безопасности информация верна, то положение у Салима Рачена отчаянное, ведь он должен дать отмашку на убийство в среду.

Йона посмотрел на Салима, тот сидел, обхватив себя рукой; на темно-коричневой поверхности кофе образовалось светлое кольцо.

– Не надо мне было пить этот кофе, – заметил Йона.

– Верно, – сказал Салим.

Он быстро произнес благодарность Господу за пищу и встал.

Йона сказал Салиму, чтобы тот еще раз подумал насчет учебы.

У заключенных было десять минут – привести себя в порядок перед прачечной, учебой или мастерской.

Оказавшись у себя в камере, Йона понял, что ее обыскивали: кровать разворошена, одежда валяется на полу, кто-то топтал его письма, книги и фотографии.

Он вошел и вернул на место фотографию дочери, Люми, погладил ее и принялся убираться.

Он собрал разбросанные письма, расправил их, постоял, держа в руке первое письмо Валерии и вспоминая, как получил его. В тюрьме готовились к Рождеству. После праздничного ужина (без спиртного) в отделение явился рождественский гном.

– Хо-хо-хо, есть здесь непослушные ребята? – спросил он.

Первое письмо Валерии оказалось настоящим рождественским подарком. Тем вечером Йона читал его у себя в камере.

Дорогой Йона,

ты, наверное, удивлен, зачем я пишу тебе, ведь прошло столько лет. Ответ прост. Честно сказать, раньше я не решалась заговорить с тобой. Только теперь, когда ты в тюрьме, я осмеливаюсь написать тебе.

Мы оба знаем, что наши жизненные пути сильно разошлись. То, что ты стал полицейским, неудивительно, но чтобы я пошла в противоположном направлении – такого я и выдумать не могла, ты это знаешь. Не думаю, что это в моей натуре, но в жизни всякое случается, человек выбирает извилистую дорожку, которая ведет его вперед, и оказывается в месте, куда он совершенно не намеревался прийти.

Сейчас я другой человек, я живу обычной жизнью, разведена и у меня двое взрослых сыновей, я работаю старшим садовником уже много лет, но я никогда не забуду, что такое тюрьма.

Ты, наверное, женат, у тебя куча детей, которые все время навещают тебя, но если тебе одиноко – я обязательно приду.

Я знаю, что мы были ужасно молоды, когда встречались, что это было в наш последний школьный год, но я никогда не переставала думать о тебе.

Искренне твоя,
Валерия

Йона сложил письмо, положил его к остальным, поднял с пола постельное белье, встряхнул. Он не смел думать, что задание, полученное от премьер-министра, приведет к помилованию.

Жизнь под замком и ощущение бессилия стали бы невыносимы, если бы он начал грезить о свободе. Он захотел бы поехать в Париж, повидать Люми, захотел бы встретиться с Валерией, побыть на могиле Дисы на кладбище в Хаммарбю, отправиться в место упокоения Суумы, на север.

Йона прогнал эти желания. Он застелил койку, заправил покрывало под матрас, взбил подушку и вернул ее на место.

Глава 29

После трех часов занятий Йону и Марко выпустили через шлюзовые двери библиотеки. Они спустились в кульверт и пошли в столовую, на обед.

Система безопасности в тюрьме Кумла сводилась к ограничению передвижений и контактов между людьми.

Заключенные в каждой секции сами по мере сил заботились о своих передвижениях, что должно было предотвратить возможные конфликты между ними. Вспыхнувшая ссора не вышла бы за пределы одного коридора.

Йона и Марко пришли на перекресток, где Салим и парни из Мальмё уже ждали, когда откроется дверь. Имре еще раз нажал на кнопку.

Салим поглядел на старый рисунок на стене, оставшийся с восьмидесятых годов. Выцветший пляж и юная красотка в бикини.

– Пока вы стирали двадцать тонн трусов и простыней, я изучал программу гимназии, – улыбаясь, сказал Марко.

Вместо ответа Салим огрызком карандаша написал на спине женщины *“Fuck you”*.

После обеда заключенным полагалась часовая прогулка во дворе. Тот единственный час, когда можно ощутить дуновение ветра на лице, проследить взглядом за бабочкой летом или разбить каблуком лед на луже зимой.

Когда Йона вышел во двор, Салим в одиночестве стоял спиной к серебристой решетке.

Прогулочный двор был не особенно большим, с двух сторон его ограничивали жилые корпуса, еще с двух сторон – ограда. За ними тянулась каменная стена, а за стеной – электрозаграждение.

Над верхним краем стены не видно было даже деревьев – только серое небо.

Двое надзирателей наблюдали за заключенными с волейбольной площадки, один – с гравийной беговой дорожки.

Большинство курили; отдельные группы переговаривались друг с другом. Обычно Йона бегал, но сегодня он прогуливался с Марко, поглядывая на Салима, но не приближаясь к нему.

Гул мощного вентилятора доносился с завода “Прокордиа” из промышленного района за стенами.

Йона и Марко прошли мимо пустых теплиц из поцарапанного пластика. Рейнер остановился под волейбольной сеткой и повернулся к камере наблюдения. Остальные “братья” о чем-то беседовали, сбившись в кучку.

Йона понимал, что может вспыхнуть ссора, и попросил Марко привести охранников, если что.

Они прошли в солнечном луче, упавшем через стену, и их длинные тени вытянулись до самого Салима, который так и стоял спиной к решетке.

Марко остановился, закурил. Йона сделал несколько шагов вправо и уже хотел пройти мимо Рачена, когда тот шагнул к Йоне.

– Почему ты хочешь оказать мне услугу? – спросил он, глядя на Йону желто-карими серьезными глазами.

– Чтобы сделать тебя своим должником, – серьезно ответил Йона.

– Почему я должен тебе доверять?

– Не должен. – Йона пошел дальше.

К ним уже направлялся Рольф из “Братства”. Рейнер стукнул мячом о землю и крикнул что-то двоим мужчинам, которые напали на Рачена во время завтрака.

– Я знаю, кто ты, Йона Линна, – сказал Салим.

– Ну и хорошо. – Йона снова остановился.

– С тобой круто обошлись в суде.

– Хочу сказать – держись на расстоянии, – попросил Йона. – Я не вхожу ни в какие группировки. Ни в твою, ни в любую другую.

– Прости, – сказал Салим, но не отошел.

Йона увидел, что двое людей из “Братства” шаркают по гравию, поднимая облака пыли.

Марко нервно глянул направо и приблизился к Йоне.

Рейнер бросил волейбольный мяч Рольфу, который тут же кинул его обратно.

В солнечном свете медленно оседало над гравием облачко пыли. Рейнер, держа мяч обеими руками, направился к Салиму.

– Рейнер скоро снова нападет, – предупредил Йона.

Он обернулся, увидел, что с другой стороны приближаются еще двое “братьев”. Оба прятали оружие.

На гравийной дорожке они подняли еще пыли, посмеялись, один толкнул другого, и они пошли дальше.

Люди из “Братства” задержали Марко. Они схватили его за плечи и оттащили в сторону, делая вид, что дурачатся.

Албанцы из Мальмё курили вместе с надзирателями.

Пыль во дворике сгустилась, и охранники начали понимать, что происходит неладное.

Йона, вытянув руки, шагнул к Рольфу, пытаясь утихомирить его.

– Положи оружие, – сказал он.

У Рольфа в руках была заточенная отвертка – оружие, сильно сокращавшее возможности нападающего. Рольф попытается ударить в шею или справа, в левый бок.

Со спины к Салиму приближался Рейнер, все еще с мячом в руке. Другая рука пыталась скрыть лезвие ножа.

Йона попятился, чтобы Рольф последовал за ним.

Марко вырвался, крикнул что-то надзирателям и получил жестокий удар в грудь.

Салим услышал крик и обернулся. Мяч попал ему в лицо и заставил сделать шаг назад, но ему все же удалось перехватить руку Рейнера с ножом. Он отвел лезвие, но споткнулся и упал спиной на ограду.

Атака оказалась дольше и агрессивнее, чем предполагал Йона.

Рольф что-то буркнул и выбросил вперед руку с заточкой. Йона увернулся, отвел руку с оружием и схватил Рольфа за рукав сзади. Из всех сил он, извернувшись, ударил левым локтем наискось, целясь нападающему в подмышку. Удар оказался так силен, что кость в верхней части руки сломалась и держалась только на лопатке.

От удара Йоны Рольф со стоном пролетел вперед, заточка упала на землю, рука бесильно закачалась на мышцах и связках.

По гравийной дорожке к нему бежал мужчина с самодельной дубинкой из тяжелых гаек на болте.

Йона хотел отразить удар, но опоздал. Дубинка ударила его по спине, лопатку обожгло. Йона упал на колени, кашляя, поднялся, успел увидеть следующий замах, дернулся в сторону, ощутил, как оружие легко касается темени и соскальзывает.

Воспользовавшись движением врага, Йона схватил руку с дубинкой, дернул мужчину к себе, перебросил через бедро так, что тот ударился задом, и прижал его коленом к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.